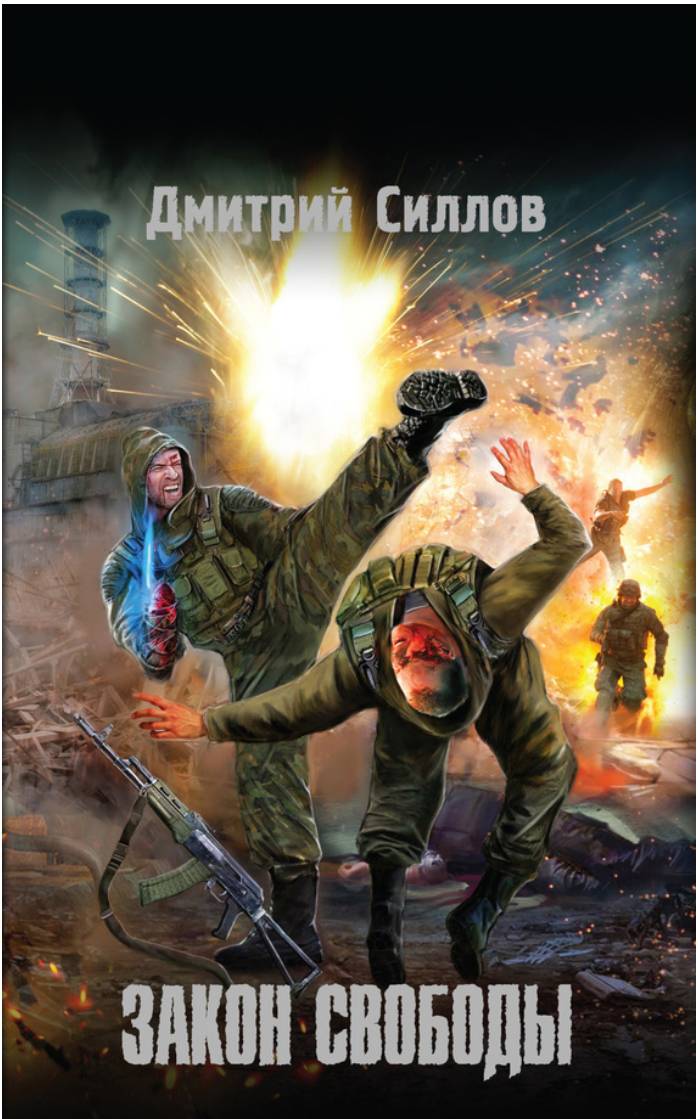
Дмитрий Силлов
ЗАКОН СВОБОДЫ

Дмитрий Олегович Силлов

Закон свободы

Серия «Апокалипсис-СТ»

Серия «Снайпер», книга 21

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21230961
Дмитрий Силлов. Закон свободы: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-094734-8

Аннотация

Когда сталкер в Зоне становится инвалидом, он свободен в своем выборе – уйти быстро и легко, пустив себе пулю в лоб, либо цепляться за жизнь из последних сил, умирая долго и мучительно.

Снайперу не повезло. В бою он получил серьезное ранение. К тому же за его голову две самые мощные группировки Зоны назначили огромную награду. Есть ли смысл дальше бороться за жизнь? Не проще ли сделать правильный выбор, осознав полную безвыходность своего положения?

Но закон свободы каждый трактует по-своему. Кто-то в критической ситуации убивает себя. А кто-то пытается убить тех, кто охотится на него. Пытается из последних сил, которых осталось совсем немного…

Содержание

Закон свободы 7
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Дмитрий Силлов
Закон свободы

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

© Д. О. Силлов, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

***

Хронология романов о Снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого
S.T.A.L.K. E. R. Закон Снайпера
КРЕМЛЬ 2222. Юг
S.T.A.L.K. E. R. Закон Меченого
S.T.A.L.K. E. R. Закон наемника
КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад
КРЕМЛЬ 2222. Север
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. Сталкер
РОЗА МИРОВ. Закон дракона
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Счастье для всех
РОЗА МИРОВ. Побратим смерти

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Никто не уйдет
КРЕМЛЬ 2222. Петербург
КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево
СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»
СТАЛКЕР. Закон Призрака
СТАЛКЕР. Закон клыка
СТАЛКЕР. Закон долга
СТАЛКЕР. Закон свободы

***

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ, и Вадима Чекунова, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ за поддержку и продвижение проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне за ценные советы в процессе моей работы над романами литературных проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

*Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.*ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Татьяну Федорищеву, Вадима Панкова, Сергея Настобурко и Ростислава Кукина за помощь в развитии проекта «Снайпер»;

а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, писателя Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

***

Всеобщий закон – это свобода, кончающаяся там, где начинается свобода другого.
Виктор Гюго

Свобода – это осознанная необходимость.
Бенедикт Спиноза

Закон свободы

Она вышла навстречу мне из развалин. Гибкая, сильная и прекрасная, как сама Смерть.

Может, кто-то назовет ее ужасной. Чудовищем с телом льва и кошмарной мордой, похожей на искаженное ненавистью человеческое лицо. Но разве может быть ужасной идеальная, совершенная, мгновенная смерть?

Конечно нет. Для нашего брата-сталкера, отравленного и изуродованного Зоной, зачастую это подарок. Потому многие из тех, кто встречал на своем пути эту идеальную Смерть, просто опускали оружие и подставляли шею под удар когтистой лапы. Мудрое решение. Бесполезно сопротивляться неизбежности. К тому же безболезненная, мгновенная смерть лучше, чем тщетные попытки прожить еще несколько минут. Ведь каждый сталкер знает, что этот мутант не любит, когда жертвы пытаются сопротивляться, убивая непокорных долго и мучительно.

Поэтому почти никто и не сопротивляется.

Почти никто…

Но не я.

В моих руках был автомат «Вихрь» с примкнутым магазином, забитым патронами под завязку. И еще один магазин – в подсумке разгрузки, снаряженный чуть больше, чем наполовину. Это все. В сумме тридцать два патрона СП-6. СВД

за плечами не в счет. Просто не успею я ничего сделать своей габаритной винтовкой, ибо скорость, с которой умеет двигаться эта тварь, давно стала легендой. Про ПСС за пазухой с оставшимися четырьмя патронами можно и не упоминать, ибо если кто-то скажет возле сталкерского костра, что завалил сфинкса из пистолета, засмеют. А после прогонят брехуна пинками с теплого места, потому как не фиг честным людям на уши приседать со своими байками.

Ну, еще два ножа у меня были с собой, это понятно. В данном случае годные лишь для того, чтобы безболезненно зарезаться. Ибо сфинкс просто обожает смотреть, как люди от ужаса перед ней убивают сами себя. Или перед ним. Черт его знает, какого оно пола, существо с двумя лицами: одно где положено, а второе, поменьше и поуродливее – на затылке. Удобно. Обзор на триста шестьдесят градусов это всегда отлично. Особенно в Зоне, где лишние глаза на затылке никогда не помешают.

Она мягко переступала мощными лапами, глядя на меня не мигая. И улыбалась при этом. Сфинксы всегда улыбаются. Вернее, их пасть изнутри растягивают многочисленные зубы, оттого и кажется, что мутант лыбится, глядя на тебя не мигая. Словно гипнотизирует. Жуткое зрелище, от которого многие действительно замирают на месте, словно домашние коты, увидевшие удава.

Я тоже стоял на месте, но не улыбка сфинкса была тому причиной. Бежать – бесполезно. Остается лишь покорить-

ся судьбе – либо просчитывать возможные пересечения пока еще невыпущенных пуль с телом мутанта. Занятие почти бесполезное, но ведь и вправду, не помирать же без сопротивления. Неправильно это. Не по-сталкерски.

Наконец, сфинксу надоело демонстрировать мощь ее совершенного тела. И она прыгнула. С места. Без малейшего напряжения. Словно невидимая пружина под ней сработала.

Я ждал этого, и как только мутант начал размываться в воздухе от немыслимой скорости, сам прыгнул вправо, одновременно начав стрелять в то место, где по моим расчетам через долю секунды должен был оказаться сфинкс. Или должна. Впрочем, плевать как оно правильно называется, мне это точно ничем не поможет.

Все равно любое сопротивление бессмысленно, и своим маневром я лишь подписал себе мучительный приговор…

Я не знаю, как они это делают, но эта двухмордая паскуда немыслимым образом изогнулась в воздухе, и короткая очередь лишь выбила сноп кирпичной крошки из полуразрушенного, некогда жилого дома на уровне его третьего этажа.

Я же катился по растрескавшемуся асфальту, напряженно, до стука крови в висках вызывая в воображении свой тотем – образ мантикоры, некогда убитой моим учеником. Так я совсем недавно мог замедлять свое личное время, что сейчас могло дать мне хоть какой-то шанс выжить…

Но все было бесполезно. Я уже понял это раньше, когда у меня ничего не получилось с замедлением времени совсем

недавно, в самом сердце Припяти. Но я очень надеялся, что это временное явление…

Оказалось – нет. Похоже, я навсегда утратил эту способность, съев таблетку Кречетова, исцеляющую от последствий экстремального радиационного облучения. Ныне покойный ученый предупреждал, что у препарата возможны серьезные побочные эффекты. И вот сейчас я в полной мере ощущал их силу. Смерть невозможно обмануть. Ее можно лишь отсрочить ненадолго, а потом Сестра по-любому возьмет свое. Даже у своего побратима…

Сфинкс приземлилась на то место, где я стоял долю секунды назад, при этом мощно ударив лапой. Значительный участок асфальта, уцелевший за столько лет после чернобыльской аварии, мгновенно пошел трещинами. Думаю, попади моя нога под такой удар, от нее осталось бы лишь мокрое место, которое мутант с удовольствием вылизал бы длинным кошачьим языком. А потом не спеша принялся за вторую.

Но тварь ошиблась. Надо было не когтями в колено метить, а в голову бить, чтоб наверняка. Помучить захотела трепыхающуюся жертву – и промахнулась. А для нового прыжка ей требовалось еще полсекунды для того, чтобы немного присесть и оттолкнуться лапами от твердой поверхности… Правда, она была уже не такой твердой, как ранее, после мощного удара лапой, поэтому мутанту потребовалась еще доля мгновения для того, чтобы восстановить равновесие…

Этим я и воспользовался, выпустив остаток магазина в перевитое кошмарными мышцами тело сфинкса.

Оно затряслось, принимая в себя пунктир раскаленного свинца – и тут же прянуло в сторону, уходя с линии выстрела. Сфинкса не так-то легко убить. Известны случаи, когда четверо сталкеров расстреливали эту тварь одновременно из четырех автоматов. В результате все четверо оказались разорваны в клочья, а мутант, прихрамывая, ушел в свою берлогу зализывать раны. Ушел сам, на своих четырех лапах, нашпигованный свинцом, словно домашняя булка изюмом.

Почти все мои пули достигли цели, и я даже успел сменить пустой магазин автомата на полупустой, когда сфинкс снова прыгнула.

Я понимал, что от этого прыжка мне уже не уйти, поэтому просто рухнул на спину, прижав подбородок к груди, дабы не треснуться затылком об асфальт, и выставив вперед руку с компактным автоматом. Сфинкс летел на меня, похожий на ракету, смазанную в воздухе от скорости, а я стрелял со значительным упреждением, в пустоту, где через доли секунды должна была появиться прыгучая смерть…

Но на этот раз мне повезло меньше. Думаю, в сфинкса ударило три-четыре пули, остальные ушли «в молоко». Это и неудивительно. Вряд ли в настолько скоротечном бою кто-то покажет лучший результат.

Было ясно – вот прямо сейчас на меня упадет четверть центнера мышц, зубов и когтей, от которых нет спасения.

И я скорее рефлекторно, чем осознанно бросил автомат и перекатился на живот…

Думаю, если бы сфинкс рухнул прямо на меня, я бы просто умер на месте, раздавленный непомерным весом. Но, видимо, несколько пуль, попавших в мутанта когда тот был в воздухе, сделали свое дело. Да и бронекостюм группировки «Борг», который был на мне одет поверх камуфляжа, сыграл свою роль.

Удар когтистой лапы был страшен. Но не смертелен, ибо пришелся вскользь. Правда, и этого оказалось достаточно, чтобы сорвать с моей спины рюкзак и вдавить в нее винтовку так, что у меня мгновенно перебило дыхание.

Впрочем, если у тебя перед глазами запрыгали красные пятна, а дыхательное горло судорожно сокращается, пытаясь протолкнуть в легкие порцию кислорода, это ни разу не повод перестать бороться за свою жизнь – даже если борьба кажется совершенно бессмысленной…

Хрипя полураздавленными легкими, я вновь перекатился на спину, одновременно выхватывая из ножен «Бритву». И не видя ни черта из-за кровавых пятен перед глазами, рубанул своим ножом совершенно вслепую. Раз, другой… А на третий сил не хватило, ибо без воздуха организм категорически отказывается работать.

Нож выпал из моей руки, тело сотряс лающий кашель. Меня скрутило в эмбрион, но при этом я успел пару раз саданут себя кулаком в грудь, словно пытался запустить старый,

гнилой мотор чисто русским методом ударной починки.

И мои многое пережившие легкие все-таки всосали в себя малую толику воздуха. А следом еще одну – с хрипом, слезами из глаз и судорожно сжатыми кулаками. Я чувствовал, как мои обломанные ногти больно впиваются в ладони – и удивлялся, почему же я все еще жив? Отчего сфинкс до сих пор не нанес второй удар и уже не жрет мои внутренности, вырванные из живота?

Я дышал – судорожно, хрипло, но дышал. Вместе с дыханием ко мне помаленьку возвращалась способность видеть… и осознавать, что здесь, в развалинах на окраине Припяти, хриплю не только я.

В двух шагах от меня на боку лежал и корчился сфинкс, очень по-человечески зажимая лапами длинную рану, пересекшую горло мутанта. Значит, я все-таки попал один раз, рубанув ножом вслепую. И этого раза оказалось достаточно. Борьба за жизнь – простое дело. Просто бейся до того момента, пока уже точно не сдохнешь. И с большой долей вероятности этот момент не наступит.

Хотя радоваться было рано. Лезвие «Бритвы» рассекло толстый мышечный слой, прикрывавший горло мутанта, и либо располовинило трахею, либо серьезно ее повредило. Но сфинкс упорно не желал сдыхать. Хрипел, роняя на асфальт кровавую пену из пасти, сучил задними лапами, злобно, неотрывно глядя на меня при этом, словно хотел сказать что-то типа «я все равно доберусь до тебя, проклятый хо-

мо!».

И эта угроза не была бессильным посылом умирающего. Край багрового разреза, видимый из-за когтистой лапы мутанта, постепенно сходился, словно кто-то медленно, но неотвратимо застегивал невидимую «молнию» на бугрящейся мышцами шее сфинкса. Ну да, у этой твари просто бешеная регенерация, и даже фатальные ранения для нее часто не являются смертельными.

Впрочем, это как посмотреть.

Продолжая кашлять, словно больной с открытой формой туберкулеза, я поднялся на ноги. Так. Понятно. Разорванный в лоскуты рюкзак валялся метрах в трех от меня, его содержимое было размазано по асфальту. Чуть ближе лежал пустой автомат «Вихрь» с раздавленной рукояткой – вероятно, сфинкс наступил на нее и изуродовал когтями.

А рядом со мной лежала моя СВД. Разбитый оптический прицел, отломанный приклад, сплющенный магазин, помятая ствольная коробка… Ужасные когти в последнем рывке содрали с меня винтовку и раздавили об асфальт. Замечательное оружие спасло мне жизнь, приняв на себя удар лапы мутанта. Правда, и оружия у меня больше не было. Во всяком случае такого, которое могло убить сфинкса. На маленький пистолет, спрятанный в потайной кобуре за пазухой, надежды не было – убивать из него сфинкса все равно что из пневматики по танку стрелять, результат будет одинаковый.

Поэтому оставалось только одно.

Я подобрал «Бритву» и направился к мутанту. Меня слегка пошатывало, но я все равно тащился навстречу пронизывающему взгляду твари, до боли в фалангах сжимая пальцами рукоять ножа. Бывалые сталкеры не рекомендуют приближаться даже к мертвому сфинксу, ибо ну его на фиг. Однако в моем случае выбора не было.

Когда я подошел на расстояние удара, мутант оторвал от горла окровавленную лапу и попытался рубануть меня когтями. Но я ждал этого удара, ослабленного тяжелым ранением, гораздо более медленного, чем обычно, но все равно страшного. Собрав последние силы, я перепрыгнул эту лапу, похожую на когтистое бревно, обтянутое шерстью. После чего зашел за спину сфинкса, размахнулся и всадил клинок в основание черепа твари, никак не желающей умирать. Прямо под подбородок ее второго лица – маленького, сморщенного, карикатурно похожего на морду недоношенного вампира.

«Бритва» с легким хрустом рассекла шейные позвонки и поврежденную трахею, так и не успевшую зарасти. Сфинкс дернулся в последний раз, попытавшись втянуть в себя порцию воздуха – и умер. Ибо ну никак невозможно дышать, когда дыхательное горло словно стальной заслонкой полностью перекрыто широким клинком боевого ножа.

Всё. Теперь можно выдернуть нож из трупа и от души прокашляться. А когда разогнутся сведенные судорогой пальцы, найти свой КПК и, если он цел, начать писать первую главу нового романа о том, как я ножом убил сфинкса. Правда,

боюсь, никто не поверит. Поэтому напишу редактору, чтоб издал мою новую книгу в серии боевой фантастики…

– А ну-ка брось нож, сталкер.

Голос, прозвучавший за моей спиной, был женским. И при этом смутно знакомым. Странно… Где я мог его слышать?

– И не дури. Ты у меня на прицеле. Дернешься – поймаешь черепом маслину.

Когда в Зоне тебе говорят подобное, лучше подчиниться. Добрый человек, по-хорошему советует, что тебе нужно делать. Злой бы просто выстрелил. Без советов.

Я разжал пальцы. «Бритва» с обиженным звоном упала на асфальт. Ну, извини, боевая подруга, обстоятельства, сама понимаешь.

– Хорошо. А теперь медленно повернись, чтоб я видела твои руки.

Я повернулся. Медленно. Уже догадываясь, кого увижу…

И не ошибся.

В меня целилась из автомата девушка необычайной, неестественной, сногсшибательной красоты с большими, пронзительно-зелеными глазами, казалось, заполнившими собой всю вселенную. Ну да, эти отливающие золотом тяжелые волны, рассыпавшиеся по плечам, словно в рекламе дорогого шампуня, длинные, стройные ноги и роскошный бюст четвертого размера забыть невозможно, даже если очень захочется. И хотя осознаешь, что все это ненатуральное, сде-

ланное при помощи уникального артефакта «фотошоп», а все равно в голову бьет горячая волна при виде эдакого чуда…

Впрочем, это «чудо» относительно недавно без малейшей тени сомнения дважды подряд попыталось меня банально обокрасть – несмотря на то, что я спас ей жизнь, перестреляв целую кучу квазимяса, мечтающего позавтракать нежными девичьими прелестями. Первый раз она «кинула» меня почти удачно. Второй – не очень, ибо попытка обчистить мои карманы стала для девушки фатальной. Причем убил ее не я, а ктулху, поджидавший добычу в засаде. После чего я похоронил красавицу под развалинами старого дома и ушел своей дорогой.

Однако потом получилось так, что артефакт «второе сердце» вернул меня в прошлое[1]. Где я, естественно, еще не успел спасти сталкершу от стаи квазимяса, и вполне справедливо полагал, что мутанты благополучно ее скушали.

Оказалось, ошибался. И сейчас девушка, которую я похоронил собственными руками, совершенно спокойно целилась в меня. Словно в абсолютно незнакомого мужика, которого пристрелить – все равно, что таракана раздавить.

Блин… А ведь получается, что мы с ней реально незнакомы! Ведь «второе сердце» вернуло меня во временну́ю точку *до* нашей встречи с зеленоглазой сталкершей. Такой вот

---

[1] Подробно об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон клыка» литературной серии «Сталкер».

хроно-парадокс, в результате которого я могу запросто расстаться с жизнью. Чего после победы над сфинксом мне решительно не хотелось. Когда только что избежал неминуемой смерти, помирать как-то не хочется.

– М-да… – разочарованно протянула она. – Я-то думала, ты будешь посимпатичнее. Прощай, сталкер, упокой тебя Зона.

Ее палец шевельнулся, выбирая слабину спускового крючка…

– Здравствуй, Касси, – спокойно произнес я.

Палец на спуске остановился, не дожав буквально несколько миллиметров.

– Откуда ты знаешь мое имя? – подозрительно спросила девушка, опустив ствол автомата лишь на несколько сантиметров вниз, чтобы лучше видеть мое лицо. Не сказать, что положение стало кардинально лучше – какая разница, прилетит тебе пуля в лоб или промеж ключиц?

– Долгая история, – сказал я. – Могу рассказать. Если не пристрелишь, конечно.

Она призадумалась. Женское любопытство сейчас явно боролось с опять же чисто женским практицизмом, помноженном на сталкерский опыт.

– Конечно, завалить тебя было бы разумнее… – протянула она.

– Зачем? – поинтересовался я.

– За этим сфинксом я охочусь уже второй день, – поясни-

ла Касси. – А теперь по закону Зоны получается, что это твоя добыча. Он троих «вольных» задрал возле «Янова», а ранее пару «боргов» сожрал. И обе группировки за его голову награду объявили.

– Большую?

– Десять тысяч «деревянных».

– Понятно. И если ты меня завалишь, опять же по закону Зоны мое имущество становится твоим. Но знаешь что, я тебе дарю этого сфинкса. Так пойдет?

Автомат опустился еще ниже.

– Дорогой подарок.

– Всяко дешевле жизни, – пожал я плечами.

– Это точно, – хмыкнула Касси, закидывая за плечо АКМ, после чего молниеносным отработанным движением извлекла из ножен один из своих кукри – изогнутый вовнутрь широкий нож непальских наемников-гуркхов, по функционалу и ощущениям в руке больше напоминающий топор. После чего подошла к трупу сфинкса и начала сосредоточенно отрубать тому голову.

Кстати, занятие непростое, даже если это касается человека. А у мутанта шея раз в пять толще, чем у самого здоровенного хомо сапиенса. Но после дюжины размашистых ударов, нанесенных с внушающей уважение точностью, голова сфинкса отделилась от тела. Из обрубка на асфальт вяло потекла темно-красная, почти черная кровь. При этом надо отметить, что сама Касси почти не замаралась. Так, на рукав

камуфляжа несколько багровых капель брызнуло, ну и нож, само собой, весь в кровище. Интересно, где она так насобачилась головы рубить?

– Что ж, самое время отдохнуть, – сказала девушка. – У тебя там как с припасами? А то мои запасы поистощились, пока я эту тварь выслеживала.

Я хмыкнул про себя и пошел к разорванному рюкзаку. Ну да, это ж Касси, она своего не упустит.

Признаться, сфинкс перед смертью подложил мне изрядную свинью. Рюкзак – в лоскуты, его содержимое – тоже. За редким исключением. Из каши, в которую превратились мои запасы, мне удалось извлечь лишь мятую, но не разорванную банку с тушенкой, флягу со спиртом в том же состоянии, да десяток патронов для СВД, погибшей смертью храбрых. Негусто прямо скажем. Но все-таки лучше, чем ничего.

Пока я ковырялся в разодранном рюкзаке, Касси развела костер – благо мусора вокруг было предостаточно, в том числе и деревянного. После чего отмахнула у сфинкса своим кукри половину задней лапы, сноровисто ободрала, и, тщательно вытерев мечеобразный нож о шкуру мертвого мутанта, пристроила кусок окровавленной плоти над костром на стальных рогульках, извлеченных из своего рюкзака. Полезное приспособление для сталкеров, считающих нормой есть мясо мутантов. Я пробовал – не понравилось. Жесткое оно, и какой-то плесенью отдает. Уж лучше по старинке, тушенка да серый хлеб, незнамо кем выпекаемый где-то в Зоне.

Между тем Касси увлеклась процессом. Посыпала мясо каким-то порошком, плеснула на него чем-то из маленькой бутылочки. Ну-ну, колдуй дальше. А я лучше банку с тушенкой в костер засуну, пусть разогревается.

– Это все, что нашел? – осведомилась сталкерша, кивнув на тушенку. И не дожидаясь ответа, посоветовала: – Лучше прибереги к ужину, для обеда мяса на двоих хватит.

Я перечить не стал, памятуя, что тот, кто спорит с женщиной, укорачивает свой век – причем в случае с Касси это вполне могло произойти и буквально. Потому я просто сел у костра, сунул в него банку, после чего поинтересовался:

– Стакан есть?

Девушка покосилась на мою консерву, но ничего не сказала. Моя жратва, мне ею и распоряжаться. А стакан у нее нашелся – складной, походный, еще советского производства. В него я плеснул прозрачного, после чего чокнулся с девушкой, недвусмысленно произнеся:

– За знакомство.

И отхлебнул из фляги. После хорошего боя пятьдесят грамм вышибателя мозгов – оно самое то, что нужно для снятия стресса. Больше не надо, меньше не имеет смысла.

Спирт Касси в себя закинула не поморщившись, словно воду. Выдохнула в кулак, занюхала окровавленным рукавом, и сказала:

– Ага, за него. Теперь расскажешь свою длинную историю насчет того, откуда ты знаешь мое имя?

Я не стал отнекиваться и рассказал. Красочно. О том, как помог девушке в битве с мутантами, как мы потом с ней так же, как сейчас, грелись возле костра, и как она потом меня отблагодарила. Чисто по-женски, горячо и самозабвенно. Правда, при этом я умолчал о том, что у меня тогда с собой был рюкзак, набитый крайне полезным в Зоне барахлом, и два ствола – «калаш» и КС-23.

Все это Касси благополучно у меня сперла, пока я валялся в отключке у костра, опоенный соком зонной росянки, который красавица подмешала мне в питье. Ну и об остальных наших совместных приключениях умолчал тоже, включая смерть Касси и ее похороны.

– И что потом было? – поинтересовалась она, машинально расправляя плечи, отчего ее высокая грудь чуть не выдрала верхнюю пуговицу у застегнутого камуфляжа.

– Ничего, – пожал я плечами. – Разошлись как в море корабли, облобызавшись на прощанье и пообещав не забывать друг о друге.

– Брешешь, – прищурилась сталкерша. При этом я заметил, как ее рука незаметно так придвинулась к рукоятке кукри.

– Тогда откуда я знаю, что твоя неземная красота есть результат обработки «фотошопом»? – невозмутимо поинтересовался я. – И то, что у тебя под левой грудью есть небольшая татуировка: «Сталкер навсегда»?

– Блин, – свела брови девушка. – Все так. Ни черта не

понимаю. Дала тебе трахнуть себя за то, что ты мне жизнь спас?

– Получается, так, – кивнул я.

– Офигеть. Себя не узнаю. Хотя в Зоне все возможно. Может, переоблучилась где, или съела что-то отшибающее рассудок. Ладно, хрен с ним, с прошлым, которое то ли было, то ли ты как-то очень хитро сбрехал. Давай обедать что ли, а то уже та татуировка скоро к позвоночнику прилипнет. Кстати, ты мое имя знаешь. А тебя-то как звать?

– В этой Зоне меня зовут Снайпером, – сказал я.

Глаза Касси немного сощурились.

– Что-то я о тебе слышала… Впрочем, неважно. Держи, пробуй.

Она отмахнула меньшим из своих кукри небольшой кусок жареного мяса и протянула мне.

Я отказываться не стал, честно куснул предложенное. Не, не мое. Жесткое, как прессованный картон, только картон вкуснее. Присыпки Касси дали какое-то подобие аппетитного аромата, но этого было недостаточно, чтобы я за здорово живешь жевал это.

– Благодарю, – сказал я, сплюнув в костер. – Я уж как-нибудь тушенкой перебьюсь.

– Дело твое, – пожала плечами девушка, вгрызаясь в жарко́е белоснежными зубами, отбеленными «фотошопом».

Обед прошел молча, лишь недовольно потрескивал костер, пожирая полусырой мусор, да с треском рвались мяс-

ные волокна, раздираемые зубами сталкерши. Ну, прям валькирия, куда деваться.

Много их было в группировке «всадников», таких вот супердевиц, включая мою бывшую супругу. Да только распалась группировка после того, как не без моей помощи был уведен у нее бесценный артефакт, превращающий любую уродину в писаную красотку. Такие вот дела минувших дней, о которых можно прочитать в моем романе «Закон Снайпера», который до сих пор гуляет по Зонам. Интересно все-таки, когда твои книги с интересом читают другие люди. Вроде даже смысл в жизни какой-то появляется, м-да…

Касси бросила в костер оголенную кость с обрывками мяса на ней и спросила, потянувшись словно сытая кошка:

– Значит, мы с тобой тогда у костра так вместе и не выпили, сразу к делу перешли?

– Ага, – соврал я. С теми, кто пытался меня обмануть, мои моральные устои отключаются напрочь, и я резко становлюсь редкостной сволочью, вруном и подонком. Конечно, с точки зрения тех, кто надеялся меня кинуть как лоха. Это нормально. Тот, кто обувает брата по разуму, всегда считает себя умницей. И никогда сволочью, вруном и подонком. А потом очень удивляется, если получает от обуваемого ответку. Мол, мне, само собой, можно, а меня-то за что?

– Ну и ну, – качнула головой Касси. – Видать, меня после той драки с квазимясом неслабо прибило от стресса. Разрядки захотелось.

– А чем та драка закончилась-то? – поинтересовался я.

– Да свалила я, – дернула плечом сталкерша. – Там у подножия бетоноперегрузочного узла был какой-то колодец, видимо для слива отходов или еще для чего. Спрыгнула я со стены, нырнула в него, и ушла по трубе. Она в овраг выходила, в ста метрах от узла. Пока квазимясо вокруг входа в колодец тусовалось, меня вынюхивало, я и свалила.

– Ясно, – кивнул я, бросая в костер пустую банку из-под тушенки. – Чего ж тут неясного.

– Ладно, не хочешь мое жарко́е есть, я тебя своей настойкой угощу, – обворожительно улыбнулась Касси. – Ты меня спиртом поил, так что теперь, как говорится, от нашего стола – вашему столу.

Она порылась в рюкзаке, вытащила оттуда небольшую плоскую стальную фляжку, приложилась к ней – типа, отхлебнула – и протянула мне.

– Пей, не пожалеешь.

Угу. Однажды я уже выпил с ней. И не пожалел ни грамма, только всего своего снаряжения лишился. Еще не хватало мне снова настойки зонной росянки хлебнуть. Только тогда у Касси был мотив – ограбить меня. Сейчас с меня точно взять нечего. Тогда возникает закономерный вопрос – зачем? Неужели решила просто еще разок потрахаться под кайфом?

Дело в том, что яд зонной росянки это очень дорогой и сильный наркотик, вызывающий эйфорию, временное оту-

пение и неистовое сексуальное желание. Казалось бы, идеальная дурь. Но, тем не менее, наркоши ее не жалуют. Уж больно тяжелый от нее отходняк. Крутит так, что мама не горюй. А еще нередки случаи передоза. Хапнул чуток больше, буквально на миллиграмм – и всё, транзитом уехал в Край Вечной войны. И меньше дозы употреблять бессмысленно. Не вштырит, но отходняк все равно будет в полном объеме.

В общем, пытаться поймать кайф от этой местной экзотики занятие для экстремалов, кому своя жизнь ни капли не дорога. Поэтому я лишь сделал вид, что отхлебнул из фляги, ощутив при этом, что росянка настояна на чистом спирте. Отнял от губ стальное горлышко, занюхал рукавом, протянул девушке флягу обратно.

– Крепкая, зараза!

– Не то слово, – сказала Касси, как бы невзначай расстегивая верхнюю пуговицу на своем камуфляже. – Аж в жар бросило.

Ее пальцы неторопливо расстегнули вторую пуговицу, алые губы призывно растянулись в улыбке.

– Ну что, Снайпер, хочешь еще раз увидеть мою наколку?

Дурацкий вопрос. Я теперь человек совершенно свободный – и от семейных уз, и от каких-либо обязательств. Как реальных, так и придуманных мною. К тому же любому нормальному мужику после хорошей драки требуется не только выпивка с закуской, но и мягкий, податливый, жаркий десерт для окончательного восстановления баланса сил в орга-

низме.

– Наколку увидеть? – задумчиво протянул я, почесав переносицу. – Почему бы и нет? Люблю я, знаешь, смотреть на женские наколки. Особенно на те, что располагаются под такой роскошной грудью.

И, придвинувшись ближе, расстегнул третью пуговицу на ее камуфляже…

Мы любили друг друга жарко, самозабвенно, в двух шагах от подсохшей лужи крови, и в одном шаге от отрубленной головы сфинкса. Я ритмично вдавливал Касси своим разгоряченным телом в растрескавшийся асфальт Припяти, и она стонала, и выла, и рычала, словно дикий мутант, впервые попавший в клетку. Ее совершенная обнаженная фигура – белая, отполированная «фотошопом», выточенная этим уникальным артефактом из наверняка заурядной, не особо красивой плоти – странно, неестественно смотрелась на грязном асфальте, среди развалин и куч мусора, слежавшихся от времени. Так нелепо выглядела бы прекрасная античная статуя на полу в заброшенном, полуразрушенном свинарнике.

Однако окружающий фон нисколько не отвлекал нас от процесса. Наверно, нам обоим он был нужен, как пятьдесят граммов спирта после боя. Не удовольствия ради, а лишь чтоб расслабиться, забыться, ненадолго отрешиться от всей этой радиоактивной грязи и кровавой вони, насквозь пропитавшей и Зону, и людей, рыскающих по ней в поисках призрачного счастья… Ненастоящего счастья. Выдуманного

ими, недостижимого, как звезда Денеб в созвездии Лебедя, откуда, согласно старой легенде, прилетели к нам на землю пришельцы со своими прекрасными, и одновременно страшными подарками…

Наконец наши тела одновременно выгнулись в разные стороны, сведенные общим сладостным спазмом… и распались, получив свою толику забвения, и практически моментально вернувшись в реальность из другого мира, ничего общего не имеющего с Зоной. Мира обычных людей, любящих друг друга если не душами, то хотя бы телами…

Я оторвался от Касси, попытался встать – и, споткнувшись, чуть не упал. Меня повело в сторону, и я был вынужден сесть на асфальт, непослушными пальцами застегивая штаны. Мне это удалось, а вот на побитую красно-черную броню «боргов», которую я содрал с себя перед тем, как слиться с Касси в едином порыве, меня уже не хватило.

– Ну и… хрен с ней… – пробормотал я, заваливаясь на бок.

– Со мной что ли? – криво усмехнулась Касси, медленно, не спеша одеваясь.

– С бро… с броней… – выдавил я из себя… и затих, тупо глядя перед собой остекленевшими глазами.

– Да какая разница теперь, со мной или с броней, – зевнула сталкерша, застегивая на талии свой пояс с парой кукри. После чего она неторопливо достала тот, что потяжелее, подошла ко мне, примерилась, размахнулась…

И замерла на месте.

Удивительно это, наверно, когда беспомощная жертва, опоенная ядом зонной росянки, вдруг молниеносным движением выхватывает из-за пазухи небольшой пистолет и, щелкнув предохранителем, нацеливает его тебе прямо в лоб.

– Ты ножик-то опусти, – негромко сказал я. – Только не мне на шею. И медленно. Так, чтоб я не испугался. А то ж с испугу, сама понимаешь, могу тебе проделать в башке отверстие под третий глаз.

– Фи, как грубо, – невозмутимо сказала Касси, хотя с лица заметно побледнела. Правда, приказ мой выполнила в точности, аккуратно вложив оружие в ножны. Молодец девка, самообладание у нее – многие мужики позавидуют. Я так и сказал:

– Умница. Теперь кру-гом. И вали отсюда, пока я добрый.

Лицо девушки стало озадаченным.

– А как же мои рюкзак с автоматом? И голова сфинкса, которую ты мне подарил?

– До того, как ты решила опоить меня, а потом отрубить голову, все это было твоим, – сказал я, поднимаясь на ноги и не переставая держать Касси на прицеле. С такими расслабляться можно, но очень осторожно, иначе можно окончить жизнь незамедлительно с кукрей в горле, ловко извлеченным из ножен, и не менее ловко брошенным. – Сейчас даже твои «всадники» не смогли бы предъявить мне претензий, если б я пристрелил тебя на месте.

– К тебе и без этого куча претензий, – зло усмехнулась Касси. – Что у «боргов», что у «вольных».

– Еще бы, – в ответ лучезарно улыбнулся я. – Интересно, кто из них предложил бóльшую награду за голову Снайпера?

– Они обещали устроить аукцион между группировками, если кто-то из охотников за головами принесет твою башку на нейтральную территорию, в бар «Янов», – мстительно сообщила сталкерша.

– И какова стартовая цена?

– Сто тысяч. И потому сейчас все охотники за головами рыщут по Зоне в поисках Снайпера.

– Ишь ты! – удивился я. – Приятно знать, что твоя голова стоит в десять раз дороже головы сфинкса.

– Радуйся, радуйся, – сквозь зубы процедила «всадница». – Недолго тебе радоваться осталось. До первого удачливого охотника.

Патрон уже находился в патроннике – по-другому в Зоне никак. Поэтому я большим пальцем взвел курок и сказал:

– Я тебе, кажется, русским языком сказал – вали отсюда. Я вообще по жизни очень добрый, если меня не злить, но своей подлянкой ты меня конкретно взбесила.

– Это не подлянка, а просто бизнес, – пожала плечами Касси. – Который, к сожалению, не получился.

И ушла, покачивая шикарными бедрами. Ну и ктулху с ней.

* * *

В наследство от Касси мне остался рюкзак с жратвой и водой на пару дней, одна граната РГД-5, лежавшая в боковом кармане рюкзака, два запасных магазина к АК, ну и, собственно, сам автомат. Не новый, но и не особо убитый. Вот и замечательно. Кто-то из моралистов скажет – вот мол, гад какой, ограбил девушку, нехорошо-то как. На что я отвечу: нехорошо, когда девушка пытается отрубить тебе голову. А хорошо – это когда ты после этого оставляешь ее в живых. Так что я вообще одно сплошное воплощение добра и всепрощения.

Кстати, на самом дне рюкзака Касси обнаружился сюрприз. Контейнер для артефакта. Открыв который, я невольно присвистнул.

Внутри контейнера лежал небольшой кристалл, похожий на обледеневшую кувшинку, внутри которой, словно живое, бесновалось ярко-синее пламя… Артефакт, бесценный для любого сталкера, знающего, что его в любой момент может настигнуть пуля, или порвать когтистая лапа мутанта. «Синяя панацея», способная излечить любое заболевание, в том числе спасти человека после смертельного ранения. Причем чем сильнее проблемы у больного, тем ярче горит «синяя панацея» внутри его тела. И тем выше вероятность того, что следующего пациента она не вылечит, а выжрет изнутри без

остатка. После этого незадачливого кандидата на чудотворное исцеление можно сеном набивать и в угол ставить для красоты. Пустой он внутри, как барабан, нету ничего. Ни костей, ни клочка мяса. Одна шкура задубевшая, как новая кирза, и глаза остекленевшие, слегка поблескивающие изнутри синим светом.

После излечения пациента «синяя панацея» перестает светиться на некоторое время, заряжаясь для следующего чудотворного сеанса. Когда артефакт вылезает из раны, прикасаться к нему не рекомендуется. Может наброситься и начать внедряться в кисть неосторожного исследователя. И тогда только один выход – отрубить руку или отстрелить ее, пока «синяя панацея» не пролезла дальше, в легкую перемалывая плоть и кости, словно титановая мясорубка. После лечения данный артефакт опасен только до тех пор, пока полностью не вылезет наружу. Потом он стремительно каменеет.

Что ж, нельзя не отдать должное практичности Касси. На охоту за сфинксом вполне разумно ходить с «панацеей». И за людьми – тоже. Кстати, то, что в рюкзаке ее носила, а не на поясе, тоже не лишено смысла – нечего светить редчайший и дорогущий арт, за который можно запросто лишиться головы. Как ни крути, новую голову никакая «синяя панацея» не прирастит.

Я засунул ценный трофей обратно в рюкзак и призадумался. Теперь оставалось понять, что мне делать дальше. Потому что делать было решительно нечего.

Большой и светлой цели в жизни у меня больше не существовало. Зато врагов – целая куча. «Борги» на меня зуб точат за то, что я членов их группировки больно много завалил, «вольные» – за то же самое. Фанатики Монумента тоже охотятся на меня, ибо я их святыню по-черному кинул, пообещав аномалии свою жизнь, а потом передумав расплачиваться по долгам – моя жизнь мне все-таки самому нужна. Теперь вот еще и охотники за головами меня ищут. Ну, блин, прям всей Зоне я срочно понадобился, чтоб медленно, продляя удовольствие, разодрать меня на фрагменты.

Ну уж нет, хватит. Если тебя где-то категорически не любят, вполне логично найти место, где тварей и сволочей разных будет как можно меньше, и ты им всем будешь по барабану. А там, глядишь, и домик прикуплю у речки, да чтоб лес рядом, птички, ёжики всякие. Причем не лысые от радиации, а вполне себе с иголками…

«Стоп, – мысленно тормознул я сам себя. – Размечтался. На Большую землю свалить нацелился. А с чем? С автоматом под мышкой, двумя ножами и ПСС за пазухой? Так за кордоном таких живо обезоруживают и определяют за решетку, ибо за сталкерство в Украине нынче дают как за убийство с отягчающими. Поэтому отсюда люди уходят безоружными, но с пачками «евро» за пазухой. То есть, те, кто сумел приподняться на торговле артефактами, либо чем-то еще. Головами, например».

Мой взгляд невольно упал на голову сфинкса, которая так

и валялась на асфальте в луже уже засохшей крови. Как там Касси говорила? Мол, этот трофей десятку стоит? «Деревянный» российский рубль, имеющий хождение в Зоне, в любом баре можно было обменять на «евро» по курсу один к одному. Конечно, для Большой земли не особо большая сумма, но на первое время хватит.

В рюкзаке Касси, помимо всего прочего, нашелся рулон пищевой пленки (запасливая девушка!), которым я обмотал отрубленную голову мутанта. После чего засунул ее в рюкзак поверх припасов. Надеюсь, не протечет до тех пор, пока я не сбуду свой товар. А сбыть его я намеревался в самом ближайшем будущем. Как? Да очень просто.

Если тебя ищут всей Зоной для того, чтоб убить, логичнее всего направиться туда, где тебя точно не ждут. И пока охотники за головами рыщут по заброшенным зданиям Припяти и укромным закоулкам Толстого леса, я, скинув с себя побитую-изуродованную броню «боргов» – приметная больно, – закинул за плечи автомат с рюкзаком и неторопливым шагом двинул к станции «Янов». Благо до нее тут было рукой подать – всего-то пройти через заброшенный рынок, заваленный гнилыми автомобилями. Их сразу после чернобыльской аварии конфисковали у жителей Припяти и свалили сюда всю эту кучу адски фонящего металла. Тут они и ржавели годами, отравляя своими останками окружающую среду.

Признаться, в иное время я бы поостерегся идти этим пу-

тем, но в моем положении лучше всего ходить по дорогам, которых остерегаются другие. Потому я и шагал, настороженно косясь на насквозь проржавевшие остовы «копеек», «шестерок» и редких «Волг», в далеком восемьдесят шестом году считавшихся немыслимой роскошью.

Любое кладбище навевает жуть, ибо мертвое всегда тянет жизненную энергию у тех, кто пока еще настороженно ждет своего последнего часа. Вот и я невольно ускорил шаг, дабы поскорее пройти опасное место… и едва не вляпался в аномалию.

Внушительный такой гравиконцентрат, формой смахивающий на огромную морскую звезду, раскинул свои щупальца посреди дороги, замаскировавшись до почти полной невидимости. Выдало его лишь темноватое пятно почти посредине аномалии, похожее на сильно выцветшую кляксу. По ходу, это птицу какую-то, пролетающую слишком низко над землей, затянуло в «комариную плешь», и вот эта клякса – всё, что от нее осталось. Недовысосанные, недовпитанные аномалией остатки органики.

Пройдет всего пара часов, и демаскирующее пятно исчезнет, без остатка переваренное гравиконцентратом. Но пока что неизвестная птица реально фактом своей смерти спасла мне жизнь. М-да, как говорится, поспешишь – Зону насмешишь. Расходился тут вольготно, словно по Крещатику, забыл про гайки-болты-гильзы, которыми порядочному сталкеру положено дорогу проверять. И вот результат. Ладно, Зо-

на, спасибо за урок, непременно учту на будущее.

Я начал обходить аномалию по кругу. Зашел за груду ржавых автомобилей – и чуть не споткнулся о сталкера, валяющегося на земле в луже собственной кровищи.

Бедолага лежал в позе эмбриона, зажимая окровавленными руками распоротый живот. И у него почти получилось. Лишь из-под левой ладони свисал книзу кусок кишечника, похожий на обрывок толстого, мясистого червя. С разрубленного конца кишки в кровавую лужу медленно вытекало светло-коричневое содержимое.

Понятно. Плохая смерть. Парню осталось помучиться еще пару-тройку часов, пока милосердная Сестра не принесет ему долгожданное освобождение от нереальной боли. Сейчас, наверно, боль слегка поутихла, и несчастный замер, боясь пошевелиться и разбудить ее снова.

Правда, услышав шаги, он все же открыл глаза. И даже нашел в себе силы прохрипеть:

– Помоги… Аптечку…

Я молча покачал головой. Бесполезно. Никакая аптечка тут не поможет. Даже дорогущий артефакт – вариант таковой, которого у меня нет.

– Там… всё плохо, да?

Я кивнул.

Парень помолчал, скрипнул зубами.

– Тогда… тогда пристрели…

Правильная просьба в его положении. Я потянулся за ав-

томатом, щелкнул переводчиком огня…

Блин… Молодой совсем. Дурак. Куда поперся? В зараженные земли за длинным рублем, мать его? Таких, как он, Зона жрет пачками на завтрак. Идиот.

– Кто это тебя?

– Баба… какая-то… Красивая… Шла тут. Я ей: «девушка, можно с вами познакомиться?» А она ни слова не говоря… меня ножом… кривым… прямо в живот…

Ну, понятно. Касси. Идет по кладбищу автомобилей, злая как целая стая квазимяса после того, как осталась без хабара, снаряги и ствола. И тут этот придурок со своим «можно познакомиться?» Угу. За ней не задержится. Сорвала зло – и пошла себе дальше. Хоть бы добила что ли. Теперь мне этим занимайся.

Я поднял автомат… и опустил. Пожевал нижнюю губу, борясь с приступом жадности, потом сплюнул и, скинув на землю рюкзак, вытащил из него контейнер с «синей панацеей».

Не, дурак не этот парень. Дурак это я, присаживающийся на корточки перед полутрупом, держа в руке целое состояние. Ясно же, что при случае этот пацан с удовольствием продаст мою голову «боргам», «вольным» или фанатикам Монумента. Так на хрена сейчас я с усилием отрываю его руки от распоротого живота и засовываю туда обрывки кишечника вместе с «синей панацеей», стоящей как две головы – моя и сфинкса вместе взятые? А потому, что дурак. Другого объяснения быть не может.

– Что… ты… делаешь? – выдавил из себя раненый, от нереальной боли побелевший как полотно.

– Что делаю? Очередную глупость. Лежи, твою душу, не дергайся. И не вздумай заорать, когда она внутри тебя шевелиться начнет. А то мутанты набегут – четвероногие ли, двуногие ли, без разницы, и на этом твое лечение закончится. Если повезет, будешь жить. Не повезет – сдохнешь. Вот и вся дилемма.

Но, по ходу, молодому свезло. «Панацея» была сытой. И сейчас не выжирала человека изнутри, а наоборот, отдавала ему свою энергию. Правда, артефакт был небольшим. Стало быть, полное излечение займет не менее часа. За который я вполне успею дойти до «Янова», обменять голову сфинкса на наличные, и вернуться назад. К тому времени, думаю, артефакт как раз закончит свое дело. Я его заберу – и прощай, Зона. Глядишь, на Большой земле найду покупателя на «синюю панацею». Тогда как раз денег на полторы жизни хватит, и еще останется полмешка.

– Короче, лежи здесь, никуда не уходи, – сказал я, вытирая окровавленные руки об одежду раненого, которую так и не рассмотрел толком, ибо парень лежал в глубокой тени. – Сейчас прошвырнусь кой-куда, потом вернусь за «панацеей». Очень надеюсь, что к тому времени она тебя починит. И да, если выживешь, запомни: в Зоне экстремально красивая женщина это или иллюзия, наведенная псиоником, или отфотошопленный мутант. Кстати, данное правило ча-

стенько работает и на Большой земле.

И ушел. Надо было поторапливаться, чтобы успеть завершить намеченное до захода солнца.

К счастью, кроме этого малоприятного инцидента более со мной на кладбище автомобилей ничего не произошло. И через четверть часа я уже подходил к знаменитому бару станции «Янов».

Знаменит сей бар был тем, что в нем очень строго запрещались любого рода конфликты между посетителями. И с теми, кто на этот запрет клал свой самоуверенный сталкерский болт, охранники бара поступали просто. Выводили на задний двор и банально отрубали голову. После чего оную насаживали на палку и выставляли возле бара на всеобщее обозрение. К моменту моего последнего посещения «Янова» из тех палок с головами вокруг заведения был уже составлен целый забор. Хоть и редкий – около метра между подгнившими тыквами нарушителей спокойствия – но, тем не менее, впечатляющий.

Я очень надеялся, что меня в «Янове» не узнают. За время моего путешествия по чернобыльской Зоне я как-то так и не удосужился побриться – приключения сыпались каскадом, одно за другим – отчего к настоящему времени у меня успела отрасти небольшая борода, причина моих периодических почесываний подбородка. Каждый день давал себе слово завтра побриться. Но на следующий день с утра непременно случалась какая-нибудь запредельная хрень, ко-

гда мне становилось ну совершенно не до бритья. Сейчас же грязная, спутанная волосня на моей морде могла сослужить мне хорошую службу.

Ну и, само собой, никто не отменял негласный закон свободы скрывать свою личность. Не хочется сталкеру называть свое имя и показывать лицо – значит, не называет и не показывает, скрывая морду под капюшоном, защитной маской, или, и того хлеще, под противогазом.

Пройдя мимо гниющих, отвратно воняющих голов, насаженных на колья, я надвинул капюшон своей камуфлы аж на самые брови. После чего сунул руку за пазуху, снял с предохранителя пистолет ПСС и взвел курок – мало ли что. Проделав все это, я поднял руку и кулаком постучал в знакомую бронированную дверь с узкой смотровой щелью-бойницей, расположенной на уровне глаз и прикрытой изнутри стальной заслонкой. Которая после моего стука практически немедленно со скрежетом отъехала в сторону. Хоть бы смазали ее что ли…

В щели показались два равнодушных глаза.

– Чего надо? – ровным, почти механическим голосом поинтересовался владелец глаз.

– Хабар принес, – глухо сказал я.

Хозяина глаз я сразу узнал по голосу – это был тот самый урод, что не впустил нас с Фыфом в бар во время атаки зомби. И не хотелось бы, чтоб он вспомнил меня. Хотя бы потому, что от ста штук «деревянных», обещанных за мою голо-

ву, не откажется даже беспристрастный, словно биомашина, охранник бара «Янов».

– Что принес? – не отставал бдительный страж.

– Голову сфинкса.

Глаза в щели слегка округлились.

– Да ладно?! Того самого, что «боргов» как семечки жрет и «вольными» закусывает?

– По ходу, того самого, – с легким раздражением ответил я, ибо этот секьюрити бесил меня еще с тех пор, как я из-за него был вынужден парой ножей отбиваться от смердящей кучи ходячих трупов. – Ты впускать собираешься или нет?

За дверью загрохотал отодвигаемый в сторону стальной засов.

– Заходи, сталкер. Удачливым охотникам у нас всегда почет и уважение.

Я перешагнул порог и окунулся в знакомую, душную атмосферу сталкерского бара, пропахшего перегаром, табачным дымом и неистребимым запахом давно не мытых человеческих тел, ибо в любой Зоне, как и на любой войне, с личной гигиеной всегда проблемы.

С прошлого моего посещения в этом баре ничего не поменялось. Его можно было бы назвать типичным для Зоны, если б он не был нетипично большим. Нынешние хозяева станции «Янов» снесли все перегородки, и сделали из помещения один огромный зал, в котором каждый мог оттянуться на свой вкус. Хочешь – зависай за огромной барной стой-

кой. Желаешь комфорта – располагайся в ресторанной зоне, за столами в ожидании заказа. Или можешь скоротать время за пивными столиками, переминаясь с ноги на ногу и раздирая подгнившими зубами пересушенную воблу с явными следами мутаций.

У дальней стены, как водится, расположилась торгово-обменная точка для тех, кто хочет обменять артефакты на наличные, оружие или снаряжение. Ну, а справа – отдельная территория для желающих спустить нажитое за игорными столами, рулеткой или полудюжиной обшарпанных игровых автоматов.

Короче, бар «Янов» был универсальной точкой для выкачивания наличных из тех, кто шатается по Зоне в поисках удачи. Причем, точкой абсолютно безопасной. За порядком в огромном зале следила бдительная охрана в экзоскелетах, застывшая вдоль стен.

С непривычки да в полумраке можно было подумать, что это неживые манекены – до тех пор, пока непривычный и плохо видящий не начинал буянить. Тогда «манекены» немедленно проявляли прыть, завидную для человека в тяжелой броне. Или же меткость – если возмутитель спокойствия решал вытащить оружие. После чего голова последнего традиционно насаживалась на одну из заранее заготовленных острых палок, красноречиво сложенных в углу возле двери, и становилась элементом знаменитого наружного забора.

Кстати, надо отметить, что охрана в «Янове» специфическая. Боевые биологические модули «К-4». Кибы. Люди с заблокированной памятью о своем прошлом, встроенными боевыми управляющими модулями и улучшенными физическими характеристиками. Из-за них в «Янове» клиенты даже оружие не сдают, ибо биологические машины, запакованные в броню шестого класса, вооружены по первому классу. Плюс реакцию имеют отменную, в несколько раз круче, чем у любого человека. Так что с эдакой охраной хозяину бара нет никакого резону тратиться на специальные оружейные шкафы и на зарплату тому, кто будет при входе принимать оружие у клиентов и выдавать его обратно на выходе, как это принято в большинстве баров Зоны.

Штампует этих кибов секретное НИИ, расположенное на территории Зоны. Годы разработок потратили на них ученые, но товар получился отличный, на Большой земле идет нарасхват. И бармен – хозяин «Янова» – подсуетился, прикупив себе взвод суперсолдат. Об этом жирный бармен поведал мне, когда я держал «Бритву» у его горла, находясь под прицелом у тех самых кибов. Кстати, некогда в том научно-исследовательском институте и из меня пытались сделать такого вот киба, поставив мне в башку надежный ментальный блок.

Но – не срослось. Свалил я из того НИИ, вернул себе память о прошлом, после чего навел преизрядного шороху как в этой Зоне, так и в соседних вселенных Розы миров. В об-

щем, кому интересно, может перечитать все девятнадцать романов о моих похождениях, которые периодически выходят в каком-то издательстве какого-то из миров вышеупомянутой Розы. А для меня сейчас главным было, чтоб ни кибы, ни бармен не узнали мою физиономию. Иначе без вариантов моя голова окажется бережно завернутой в пищевую пленку, пока ее не выкупят «борги» или «вольные», а остальное мясо пойдет на корм местным мутантам – или, как вариант, окажется в кастрюлях этого бара. Ибо по слухам в подобных заведениях Зоны запросто можно заказать «бифштекс посталкерски», которого нет в меню, но о котором прекрасно знают гурманы с мозгами, напрочь отбитыми радиацией.

В общем, сейчас я направлялся к стойке бара мимо столиков, за которыми расположились не особо многочисленные посетители «Янова», как со следами мутаций, так и без таковых – по ходу, хозяин заведения был лоялен к любым клиентам, лишь бы деньги да хабар несли.

Краем глаза заметил я нескольких «вольных», оккупировавших дальний длинный стол, а также пару плечистых «боргов» в характерной черно-красной униформе, демонстративно расположившихся в другом конце ресторанной зоны. Ну да, «Янов» это территория мира и спокойствия, на которой враждебным группировкам разборки запрещены категорически. В противном случае экстремально горячие головы привычно отделяются от тел беспристрастными кибами и оказываются понятно где. Но, так или иначе, хорошо,

что я избавился от брони «боргов», иначе у членов данной группировки ко мне могли возникнуть вопросы.

Я подошел к стойке бара, за которой одиноко сидел какой-то тип в маске, сделанной из противогаза и полностью закрывающей верхнюю часть лица. Только подбородок открыт и пасть, в которую тип ловко метал острые мясные чипсы, приготовленные из ляжек ктулху – фишечка «Янова», обожаемая любителями местного пива. Что ж, удобная маска, ничего не скажешь. Я б сейчас от такой тоже не отказался.

Бармен, которого я однажды использовал в качестве живого щита, торчал за стойкой – из-под верхней части глубоко надвинутого капюшона я хорошо видел его объемистое пузо, колышущееся по другую сторону стойки.

– Что притащил? – вместо приветствия грубо поинтересовался хозяин «Янова». То, что он именно хозяин, сомнений не было. Любой бармен, заправляющий финансами на крупной точке, является одновременно и ее владельцем: нанятых работников к купле-продаже артефактов никто не допустит – некоторые из них на Большой земле миллионы стоят.

– Отрезанную голову, – отозвался я.

– Твою ж мать… – разочарованно процедил бармен. – Ты б еще объедков на мусорной куче насобирал. Выбрось ее. А заодно и свою задницу из моего бара.

– Это голова сфинкса, – равнодушно проговорил я.

Пузо на мгновение перестало колыхаться и замерло, словно его подвергли мгновенной заморозке.

– Брешешь… Покажи!

– Сначала налей-ка мне стаканчик горло промочить, – попросил я. – А то пить охота больше, чем твои десять тысяч за мой хабар.

Бармен, подозрительно глядя на меня, взял самый мелкий стакан из тех, что стояли на полке с чистой посудой. После чего, нацедив туда пива из бочонка, накрепко привинченного к стойке, отработанным движением послал стакан ко мне. Скользнув донышком по отполированной стойке, заказ остановился рядом с моей рукой. Ничего не скажешь, бармен туго знал свое дело.

Я взял стакан, нарочито медленно выпил довольно неважное пиво, крякнул, поставил пустой стакан обратно на стойку. После чего снял с плеч рюкзак, расстегнул и достал голову «сфинкса», тщательно завернутую в пленку.

– Давай ее сюда, – с придыханием произнес бармен. – Надо рассмотреть получше, а то за пленкой ни черта не видно.

Возбуждение бармена было понятным. Голова «сфинкса» не просто ценный охотничий трофей. Говорят, на Большой земле именно из нее делают знаменитый «Крем 20». Намажет таким кремом престарелая женушка какого-нибудь миллионера сморщенное лицо, и старая кожа моментально разглаживается, становясь упругой и гладкой, как у двадцатилетней. Эффект стойкий и длительный, где-то на год хватает. Но и стоимость чудо-косметики заоблачная: хочешь купи себе один грамм «Крема-20», а хочешь – новый «Бентли»

представительского класса.

В принципе, это право покупателя – удостовериться в том, что товар качественный. К тому же в сталкерских барах «кидать» клиентов не принято, ибо чревато. Сбросить цену – святое, а чтоб забрать товар и не заплатить, такого я не припомню. Ибо в подобном случае с обманутого клиента снимаются ограничения всех негласных законов Зоны, и он волен поступать с обманщиком так, как ему заблагорассудится.

Поэтому я без тени сомнения протянул бармену увесистую голову… которую тот почему-то даже не стал рассматривать, а лишь бережно спрятал под стойку. После чего достал из-под той стойки обрез помпового ружья, направил мне в грудь, и громко сказал:

– Дочка, выходи. Глянь, это тот самый?

Сразу за стойкой находилась дверь в подсобку, которая после слов бармена немедленно отворилась с противным скрипом. И я из-за своего капюшона увидел грудь знакомого аппетитного размера, прикрытую новым камуфляжем. Край моего капюшона скрывал лицо обладательницы груди, но мне и без этого все стало ясно.

Жаль, просчитался я со своим хитрым планом. Не прокатило. Ну кто ж мог подумать, что Касси окажется дочерью владельца этого бара? Когда я прогонял ее, и в мыслях у меня не было, что она пойдет сюда – любой в Зоне знает, что некредитоспособных клиентов в бары не пускают категорически. Если только эти клиенты не приходятся барме-

нам близкими родственниками. М-да… Это называется «не свезло». Причем конкретно.

– Ты капюшон-то скинь, родимый, – почти ласково произнес бармен. – Хочу чтоб дочка тебя опознала. Просто ее тут один тип ограбил неподалеку, законный трофей отнял. А я, сам понимаешь, грех на душу брать не хочу – за убийство невиновного Зона спросить может по полной.

Конечно, закон свободы позволяет не открывать лицо никому, если нет у сталкера такого желания. Но при этом тот же закон позволяет любому человеку попросить у скрытного сталкерюги предъявить свою физиономию для осмотра. Как говорится, за спрос не бьют. Ибо весьма сложно бить того, у кого в руках ружье двенадцатого калибра.

– Осторожнее, папа, – прозвучал знакомый девичий голос. – У него за пазухой пистолет.

– Ничего, дочка, не беспокойся, – заверил свое чадо пузатый папаша. – Если дернется – получит в харю свинцовую пилюлю, гарантированно излечивающую от резких движений.

Делать было нечего. Я медленно поднял руку и откинул назад капюшон.

– Ну, ни хрена себе! – искренне удивился бармен. – Да это ж тот тип, что мне шею порезал, а потом ограбил!

– Надо же, и тебя тоже? – удивилась Касси, стоявшая возле двери в подсобку, картинно оперевшись на мощный косяк. – Интуиция мне подсказывает, что сегодня твой хабар

пополнится сразу на две очень ценных головы.

– Да без сомнения, – ощерился бармен, показав желтые, кривые зубы. – Слышь, сталкер. Сделай напоследок хорошее дело, шагни влево. Не хочу, чтоб твоя кровища на клиентов брызнула.

«Обидно, – подумал я. – Одно дело в бою погибнуть, и совсем другое – от пули какого-то жирного урода».

Впрочем, выбирать не приходилось. Позади меня синхронно щелкнули переводчики огня на автоматах охраны. То есть, если я не выполню указаний бармена, это ничего не изменит – несколько коротких очередей за секунду превратят меня в кровавое решето. И автомат с плеча не сдернуть, просто не успею. Не жирдяй пристрелит, так его кибы среагируют, у этих с реакцией все в порядке. Напакостить что ли бармену напоследок и не отойти в сторону, как он велел? Пусть его клиенты потом из волос мою спекшуюся кровь ногтями выковыривают…

Но тут случилось неожиданное.

Тип с половинкой противогаза на башке допил свое пиво и, стукнув поллитровой кружкой по стойке, потребовал:

– Хозяин, повтори-ка!

Надо же. Типичный разрыв шаблона. В баре человека собрались убивать, все замерли, затаив дыхание, а тут какой-то вахлак портит весь спектакль. Пиво ему видишь ли повтори… Кстати, голос вахлака показался мне знакомым…

– Не до тебя сейчас, – сквозь зубы бросил бармен. И уже

мне: – Я ж тебя по-хорошему прошу, сталкер. Отойди – и я выстрелю прямо в сердце. А будешь выпендриваться, пальну в живот. И тогда мои кибы будут на заднем дворе отреза́ть голову у живого. Тебе оно надо мучиться?..

– Я тоже прошу по-хорошему! – заорал любитель пива. – Пива мне налей в темпе вальса, а потом свои дела решай!

– Твою ж мамашу! – бармен, по ходу, начал закипать. – А ты в моем баре можешь и по-плохому?

– Ага, – просто сказал странный клиент, доставая из кармана и выкладывая на стойку что-то, смахивающее на пульт от телевизора. – Например, я могу нажать вот на эту кнопку, отключить твоих кибов, а потом посмотреть, сильно ли поможет тебе твое ружье.

С этими словами странный клиент ткнул пальцем в свой пульт, правда, в какую именно из кнопок, я рассмотреть не успел. Да, признаться, и не особо старался. Я дядя уже взрослый, и в чудеса не верю. Особенно в пульт, отключающий живых людей, пусть даже с подкорректированными мозгами. Или в знакомый голос, который ну никак не мог принадлежать живому человеку, ибо труп этого человека я видел своими глазами…

Но Зона – она на то и Зона, чтобы в ней порой случались необъяснимые явления. И проверить, отключил этот тип кибов или нет, я мог только одним способом. А именно – выполнив команду бармена.

Вернее, перевыполнив ее с лихвой.

Я с места прыгнул влево, расслабив плечо, на котором висел автомат. Вскинуть его времени не было, ибо бармен полюбому выстрелил бы раньше, поэтому автомат, соскользнув с плеча, грохнулся на пол. А вот, в рывке разворачиваясь боком, сунуть руку за пазуху, где была грубыми нитками пришита потайная кобура с ПСС, и, не доставая пистолета, нажать на спуск – это я точно успевал сделать. Если не раньше бармена, то уж наверняка одновременно с ним.

Два выстрела слились в один. Первый громкий, аж уши заложило – в закрытом помещении двенадцатый калибр бахает так, словно из пушки саданули. Второй же совершенно бесшумный, дополнительно приглушенный камуфляжем, пробив который пуля из легированной стали пролетела три метра, разделяющие нас с барменом, и тюкнула того точно в лоб.

Лобешник у хозяина «Янова» был солидный – широкий, выпуклый, как и положено хорошему торговцу, у которого в черепе скрывается развитый мозг, способный просчитывать хитрые схемы легального отъема денег у тех, кого природа мозгами обделила. Но даже толстая лобная кость не выдержала напора цилиндрической пули, с двадцати пяти метров пробивающей насквозь стальной лист толщиной два миллиметра. Тут же и расстояние было поменьше, и цель не столь крепкая. Короче, во лбу хозяина «Янова» образовалась небольшое круглое отверстие, а вот затылку пришлось гораздо хуже, как всегда случается при такого рода попада-

ниях.

Цилиндрический поражающий элемент относительно стабилен в полете, особенно на близкие расстояния. Но при попадании в цель ведет себя совершенно непредсказуемо, кувыркаясь, вращаясь и превращая в фарш все, что встретит на своем пути. В общем, разбитую на фрагменты затылочную кость бармена вынесло наружу вместе с кашей из мозга, не сумевшего просчитать столь непредсказуемую схему развития событий. Причем это серовато-кровавое содержимое вылетело прямо в лицо Касси, стоявшей возле двери в подсобку, все так же картинно облокотившись на косяк.

При всем при этом пуля, вылетевшая из ружья бармена, меня ничуть не задела. И объяснялось это не моей фантастической личной удачей, а элементарным отсутствием специальных навыков у барыги. Многие люди приобретают оружие, и автоматически в собственных глазах становятся крутыми рэмбами. На самом деле, оружие полезно лишь для того, кто умеет им пользоваться. Во всех остальных случаях это крайне опасный предмет, которого лучше лишний раз не касаться во избежание несчастного случая. Такого например, как сейчас произошел с хозяином «Янова».

Я же выдернул руку из-за пазухи, оставив пистолет в кобуре, и метнулся обратно, к автомату, валяющемуся на полу. Конечно, ПСС штука замечательная, но в Зоне оно скорее оружие последнего шанса для внештатных ситуаций. А вот «калаш» – это всегда Оружие с Большой Буквы. Что в ано-

мальной Зоне, что в условиях любого локального конфликта.

Признаться, я ждал, что сейчас мое тело начнут рвать на части очереди, выпущенные из автоматов кибов… Но ничего подобного не произошло. После нашего с барыгой обмена выстрелами, в баре повисла мертвая тишина, какая случается в театре после крайне удачного выступления артистов – либо в любом другом месте, где зрители ждали убийства человека, и таковое произошло у них на глазах.

Этим затишьем я и воспользовался, подхватив с пола автомат и щелкнув переводчиком огня – само собой, патрон был загнан в патронник загодя. Я был уверен, что Касси попытается экстренно отомстить за папашу…

И ошибся. Лишь хлопнула дверь подсобки, а когда я вынырнул из-за стойки, по другую ее сторону уже никого не было. Умная девочка, не поспоришь. Наверняка в подсобке есть потайной ход, выводящий наружу, и Касси предпочла воспользоваться им, нежели личным оружием…

– Ну, что ж, Снайпер, теперь это твой бар.

Я обернулся.

На меня в упор смотрели круглые, слегка заляпанные чем-то окуляры противогаза, за которыми угадывались внимательные глаза.

– Мой?

– Точно, – хмыкнул странный посетитель бара. – Ты завалил хозяина – значит, теперь это твой хабар. А пульт от кибов я тебе дарю. Тут не сложно, разберешься.

– И за что ж мне такой подарок? – осведомился я.

– За то, что помог ты мне в одном важном деле. А я привык долги возвращать. Так что владей, остепенись, женись хоть на вон той мутантихе-официантке, детей наплоди. Хватит тебе по Зонам шататься. Но самое главное – не становись у меня на пути, и все у тебя будет замечательно.

Ишь ты, не становись у него на пути, деловой какой… Впрочем, это было не главное. Перед этим он так и сказал – хватит тебе по Зонам шататься. Не по Зоне, а во множественном числе!

А еще он знал мое имя… Дьявол, как же этот голос и эта ухмылка похожи… Нет, не может быть. Тот человек умер, и я это видел своими глазами. Значит, просто смахивает на того человека. Мало ли похожих людей на свете? Но откуда он знает…

– Ладно, ты думай, а я пошел, – сказал тип в резиновой маске. – Только вот стакан твой прихвачу на память о том, как мы пили за одной стойкой. Удачи тебе, сталкер.

Поднявшись с высокого стула, странный посетитель схватил со стойки мой пустой стакан, и быстро вышел из бара.

Эх, почему я не последовал за ним? Почему остался дубом стоять возле стойки, держа в одной руке автомат, а в другой – странный самодельный пульт с несколькими кнопками, ни одна из которых не была подписана.

Справа от меня послышался шорох – это зрители, находящиеся в зале… тьфу ты, посетители бара решили пере-

менить позы, размяв затекшие спины и задницы. По ходу, представление их захватило настолько, что ни один из них за все это время не пошевелился. А сейчас, когда закончилось самое интересное, можно расслабиться, сходить до ветру, пожевать чего-нибудь…

Или принять участие в спектакле, переставшем быть интересным и захватывающим.

– Чтоб я сдох! – донеслось из-за столика, за которым тусовалась компания крепких парней в зеленой униформе. – Разрази меня «электрод», но это же Снайпер! Тот самый тип, что завалил несколько наших на «Векторе», а после украл грузовик и свалил вместе со своим корешем!

– Снайпер? – резко развернулся к «вольным» плечистый «борг». – Тот самый, что недавно наших в лесу немеряно положил? Ты часом не брешешь, «зеленый»?

– Пусть меня Зона сотрет, если я вру, – обиженно произнес член группировки «Воля», вытаскивая из объемистой кобуры «стечкин». – Слышь, новый хозяин «Янова»! А ты уверен, что сможешь воспользоваться этим пультом и разблокировать «кибов»?

Краем глаза я заметил, как один из «зеленых» тихонько поднялся со своего места и аккуратно, по стеночке направился к двери в заведение. Ага, отсекает мне путь отхода, сволочь. А, кстати, действительно, как понять, какая кнопка на пульте за что отвечает, если ни под одной из них ничего не написано?

Признаться, стормозил я маленько. Как-то вылетело из головы, что за мою персону две самых влиятельных группировки Зоны назначили нереальные суммы. А когда обратно влетело, было поздно.

«Зеленый» уже поднимал свой «стечкин». Еще мгновение – и линия выстрела коснется моей груди. А я очень не люблю, когда эти линии меня касаются. Брезгливый я очень. Поэтому не целясь, от бедра я дал короткую очередь в два патрона – и «зеленый» вместе со своим «стечкиным» отлетел к стене, шлепнулся об нее, словно мешок с жидким дерьмом, и сполз вниз по вертикальной поверхности, оставив на ней широкий кровавый след.

И это было плохо. У тех, кто топчет Зону своими берцами, очень быстро вырабатывается рефлекс: если некто стреляет, и рядом с тобой начинают падать люди, необходимо как можно быстрее вскинуть оружие и начать стрелять в ответ. Если промедлить, следующим можешь упасть ты. И больше никогда не подняться.

Сейчас я остро пожалел, что в «Янове» не было принято сдавать оружие при входе. За столиками сидело человек двенадцать. После моей очереди их стало на одного меньше – что, впрочем, моих проблем не решило.

Остальные посетители «Янова» синхронно рванули со своих мест, одновременно при этом хватаясь за стволы, которые они всегда держали под рукой. А я стою такой с автоматом наперевес и понимаю, что одиннадцать человек, рассре-

доточенных по бару, мне никак не положить. От силы троих-четверых срежу, пока остальные будут превращать меня в кровавое решето.

Поэтому чисто рефлекторно сунув в карман злосчастный пульт, я со всех ног рванул к выходу из заведения, на бегу поливая из автомата наиболее активно движущиеся фигуры. Эх, как бы мне сейчас пригодилось утраченное умение замедлять время! Я даже на бегу попытался представить свой тотем…

Без толку. Все равно что пытаться завести автомобиль, из которого напрочь выдрали аккумулятор вместе с двигателем. Не работает способность, не раз спасавшая мне жизнь, будто и не было ее никогда. Поэтому я просто бежал, пригнувшись, как обычный человек, которого очень хотят убить, и отстреливался, очень надеясь, что успею добежать до двери раньше, чем одному из посетителей бара повезет больше, чем мне.

Я успел заметить, как плечистый «борг» резко мотнул головой влево, словно хотел успеть рассмотреть правым глазом, как вылетает из глазницы левый, выбитый из нее моей пулей… Как один из «зеленых» выронил свою «Грозу», схватился за горло и кашлянул, выплюнув вместе с кровавыми слюнями фрагмент трахеи, разорванной автоматной очередью… Как сталкер с лицом, неестественно перекошенным то ли старой травмой, то ли мутацией, потянулся было за автоматом, но после резко передумал и схватился за свое

изуродованное лицо обеими руками, будто запоздало хотел уберечь его от разрушающего действия пули, уже вошедшей между бровей…

А я несся, слыша, как грохочут ответные неприцельные очереди, и как пули разозленными пчелами свистят над моей головой… Хорошо, что над, ибо ряд столов частично прикрыл меня от стрелков. Но чтобы добежать до двери, мне нужно будет преодолеть несколько метров открытого пространства. Всего ничего. От силы один кувырок с разгону – и я вылечу из бара, словно мячик.

Кувыркаться я умею неплохо, обучен делать это даже с рюкзаком на спине и запасным стволом, засунутым под этот рюкзак – главное грамотно башку подвернуть и правильно толкнуться ногами. Ну, я и кувырнулся, уже видя перед собой полуоткрытую дверь, в которую совсем недавно вышел тот тип с половинкой противогаза на морде. Еще мгновение – и я за порогом…

И в этот момент в меня ударила пуля.

Судя по тому, как рвануло плечо – в руку…

Если не задет крупный нерв, в первые секунды после огнестрельного ранения боли нет. Ты чувствуешь просто тупой удар и онемение в пораженной области. И немедленный страх опустить глаза и увидеть то, что наделал крохотный кусочек раскаленного металла… Боли нет, боль придет потом. Сначала приходит страх – липкий, парализующий – и только от тебя зависит, как ты себя поведешь. Замрешь на

месте в ожидании наступления боли, либо мысленно дашь тому страху локтем в зубы, и продолжишь намеченные действия. Ибо в боевой ситуации страх опаснее любого ранения, и умирают от него намного чаще, чем от самых страшных ран. Почему? Все просто. Испугавшийся останавливается, замирает, ожидая прихода боли. А в статичную мишень попасть во второй раз намного проще.

Поэтому я все-таки завершил кувырок, со всей силы пнув дверь подошвами берцев, выкатился из бара, вскочил на ноги и рванул в сторону забора из гниющих голов. При этом я мысленно просчитывал ситуацию. Вот те, кто остался в баре, опрокидывая столы, ринулись вдогонку, вот они подбегают к выходу, на ходу меняя магазины пистолетов и автоматов, вот первые двое перешагивают порог…

Я резко развернулся, намереваясь прошить этих двоих короткой очередью – и понял, что не могу нажать на спусковой крючок. Указательный палец не слушался…

Преодолевая проклятый страх, я опустил глаза…

Твою ж душу! А я так надеялся, что пуля ударила в мякоть, не повредив ничего серьезного.

На самом деле все было очень плохо.

По ходу, тот, кто ранил меня, стачивал напильником острые наконечники своих пуль, а после надрезал их крестом, превращая в печально известные «дум-дум». Такие боеприпасы, по научному называемые экспансивными, запрещены к использованию Гаагской конвенцией в период ведения лю-

бой войны. И поскольку в Зоне война постоянное явление, этот запрет соблюдается всеми правильными сталкерами.

Но при этом отморозки, плюющие на законы Зоны, встречаются всегда. И если кто-то из сталкеров поймает урода, пилящего пули, то тот урод имеет все шансы оказаться повешенным на ближайшем дереве.

Правда, в автоматный магазин к каждому не заглянешь, а разрушительное действие экспансивной пули гораздо сильнее, чем у обычной. Поэтому всегда были и всегда будут ублюдки, плюющие на все конвенции мира. Например, сейчас пуля «дум-дум» в хлам разворотила мое запястье. Большой, указательный и средний палец повисли безвольными, окровавленными тряпочками, отделенные от руки вместе с половиной всей кисти. Правда, безымянный и мизинец сохранили подвижность – оказывается, ими я и держал автомат за рукоять, пока бежал к забору.

Все это я додумывал в падении, ибо те первые двое уже выбежали наружу и, вскинув автоматы, стреляли в мою сторону. В следующую секунду голова, в которую попала пуля, разлетелась на части – но это, к счастью, была не моя голова, а одна из тех, что насаживали на колья охранники бара.

Я же плюхнулся брюхом на серую траву Зоны и, с силой удерживая автомат за цевье, безымянным пальцем потянул за спуск.

Автомат задергался, затявкал бешеным псом, изрыгая раскаленный пунктир – и я вместе с ним взвыл дурным го-

лосом. Ибо отдача разбудила боль. Адскую, пронзившую раненую руку от изуродованной кисти до самого плеча. Такую, что сознание изъявило немедленную готовность покинуть мое тело.

Но отключаться было нельзя. Потому, что если я сейчас вырублюсь, через десять минут моя голова займет место той, которая только что украшала собой шест и была разорвана в клочья шальной экспансивной пулей. А в мои планы это никак не входило. Потому, что я привык выживать. Цепляться за жизнь зубами и ногтями – а выбьют зубы и выдерут ногти, один хрен не сдамся. Потому что не по-сталкерски это – сдаваться. Ни черта не по-нашему.

На таком расстоянии трудно было промахнуться даже с фатально раненной рукой. Две ростовые фигуры, срезанные очередью, выбыли из строя. Одного отбросило на стену бара, а второго – как раз в дверной проем, откуда ломились наружу остальные преследователи. Не исключаю, что одна или несколько пуль прошли навылет, на излете клюнув кого-то из тех, что бежал позади самых смелых, быстрых и шустрых преследователей. Потому, что в дверном проеме обозначилась куча-мала, из которой несся надрывный, многоголосый мат.

То есть, у меня появилось несколько секунд для того, чтобы вскочить на ноги и броситься к лесу, который начинался сразу за забором из гниющих голов.

Мне повезло хоть в этом. Я уже влетел в прохладную тень

леса, когда за моей спиной затарахтели выстрелы. Засвистели пули, с тупым чавканьем врезаясь в толстую кору мутировавших деревьев, но я уже был недосягаем для вражьего свинца, и просто стоял, прижавшись спиной к толстому дубу. Пусть стреляют, пока не придет пора менять магазины. А вместе с ней осознание, что жертва ушла от возмездия, и, скрываясь за деревьями, может в любой момент начать отстреливать своих преследователей по одному, находясь при этом в относительной безопасности.

Как я и предполагал, просветление наступило скоро. Стрельба стала реже, и почти сразу сошла на нет. Хлопнула массивная дверь бара. Стало тихо, лишь деревья, оцарапанные горячими пулями, недовольно скрипели ветвями над моей головой.

Ага. Предполагаю, что сейчас те уроды в баре совещаются, опасливо поглядывая на неподвижных кибов. При этом самый смелый подходит к стойке, трогает голову сфинкса, испачканную брызгами крови хозяина бара. Потом за стойку заглядывает, удостовериться, что хозяин «Янова» мертв. К нему подходят остальные. Переглядываются. Снова хором смотрят на кибов. Те не шевелятся.

И начинается грабеж.

Я даже отсюда слышал возню в «Янове». Там увлеченно набивали карманы и рюкзаки бесхозным добром. Наверняка уже кто-то курочил барную стойку в поисках скрытого сейфа, другие ломились в подсобку, а самый шустрый между

делом ныкал в вещмешок окровавленную голову сфинкса.

Ладно, твари. А что если…

Неповрежденной левой рукой я достал из кармана пульт, оставленный мне загадочным незнакомцем. Блин, как же неудобно! К сожалению, я не левша и ни разу не амбидекстер. Но придется привыкать, и пока правая не заживет, учиться стрелять и подтирать задницу левой.

Пульт немного смахивал на телевизионный. Корпус из дешевой пластмассы, десяток кнопок. Одна красная, остальные серые. Какая из них за что отвечает – хрен его знает. Поэтому я, чтоб не ломать голову, несколько раз нажал их в хаотичном порядке, направив при этом пульт на «Янов». Интересно, добьет сигнал или нет? И если добьет, случится ли то, что я желал всей душой?

Случилось. И, по ходу, сработала все-таки именно красная кнопка, а не какая-то из остальных. Получается, она и есть средство для блокировки-разблокировки кибов. Эх, знать бы раньше…

Не прошло и тридцати секунд, как внутри бара приглушенно грохнул выстрел. За ним еще сразу несколько подряд. А потом с полдюжины автоматных очередей, выпущенных почти одновременно, слились в один сплошной треск, будто кто-то с усилием рвал большой кусок грубой ткани.

Дверь бара резко открылась, из заведения выскочил «вольный», паля внутрь заведения из автомата. Но, видать, его цель оказалась более удачливой. «Зеленого» аж припод-

няло над землей очередью, вылетевшей из глубины бара – так бывает, когда несколько пуль одновременно бьют в человеческое тело. Приподняло, и швырнуло на землю, словно тряпку, изорванную свинцом, мертвую и бесполезную.

Я не стал дожидаться окончания бойни. И так понятно, что там произошло. Кибы, оживленные пультом, вышли из комы, увидели то, что творится с вверенным им имуществом, и принялись гасить мародеров. Зона им в помощь. А я пошел. Пока я еще в состоянии двигаться, желательно как можно дальше уйти от места кровавой перестрелки. Ибо на кровь всегда слетаются стервятники, а я сейчас не в лучшей форме для того, чтобы ввязываться в новую битву.

Треск очередей и тявканье одиночных выстрелов все еще слышались за моей спиной, но мне уже было не до них. Закинув за спину автомат, я на ходу вытащил жгут из нарукавного кармана и перетянул правую руку выше локтя. Так, нормально. Теперь надо разорвать зубами ППИ, то есть, пакет перевязочный индивидуальный, извлеченный из того же кармана, и забинтовать рану. Главное не глядеть на нее особо внимательно, и не думать о последствиях. Безымянный и мизинец больше уже не слушаются. Ладно, прорвемся надеюсь.

Из второго кармана я извлек аптечку с набором шприц-тюбиков – промедол, противостолбнячная сыворотка, и антибиотик широкого спектра действия. Все три укола сделал на ходу, сцепив зубы от боли: теперь каждый шаг отдавался

в раненой руке, будто кто-то невидимый раз за разом втыкал в нее раскаленное шило.

А еще меня начало «вести», будто я махнул стакан водки, на голодный желудок да без закуски. Того и гляди, вырублюсь на ходу или от болевого шока, или от кровопотери – пол-литра кровушки-то из меня вытекло, это к гадалке не ходи. И единственное средство от такой напасти это вполголоса крыть отборным сталкерским матом тот организм, сволочь, предателя, готового подвести тебя из-за малейшей царапины. Самого себя накручивать, обзывать слюнтяем, тряпкой, уродом, типа, только попробуй не дойти, гнида такая! Только попробуй…

Блин. А куда дойти-то? Насколько я знаю, сразу за «Яновым» начинается огромный участок заболоченной местности. Вернее, мутировавший лес с большим количеством веселых зеленых лужаек, что нормального сталкера непременно должно насторожить, ибо трава в Зоне либо серая, будто пеплом присыпанная, либо серо-ржавая. Бывало, новички-«отмычки» радостно так выбегали на те лужайки – как же, мол, и в Зоне есть красивые места, не все серо-унылое. Выбегали – и начинали погружаться. Медленно. И каждая попытка судорожно выдрать ноги из трясины лишь немного добавляла скорости к погружению.

Чаще целиком засасывало человека зеленое болото. Но случалось, что над «лужайкой» оставалась торчать голова несчастного, вопящего от ужаса. Помочь ему чаще всего не

получалось, даже если кинуть веревку и вдвоем-втроем тащить – болота в Зоне держат свою добычу крепко. Поэтому милосерднее всего было в таких случаях пристрелить обреченного, ибо вскоре на крики несчастной жертвы начинали слетаться вороны, чтобы полакомиться свежими глазами. Страшная смерть…

Но мне на все эти ужасы было уже глубоко плевать. Когда на тебя охотится вся Зона, логичнее свалить туда, куда никто в здравом уме не полезет. Вот я и сваливал, с трудом переставляя заплетающиеся ноги, пока не перестал видеть куда шагаю. То ли вечер наступил, то ли перед глазами темно стало, то ли в такую чащу забрел, куда из-за густого переплетения ветвей свет не проходит. Хотя – какая разница? Главное, что хрен меня тут кто найдет. А значит, можно хоть немного отдохнуть.

Как только меня посетила эта мысль, сволочь-организм, наплевав на все мои проверенные методы, начал неумолимо отключаться. Единственное, что я сумел сделать, так это не рухнуть мордой вниз на какой-нибудь узловатый корень, а дотянуть до ствола ближайшего дерева и сесть, прислонившись к нему спиной. Дальше я ничего не помню. Словно в зеленое болото ухнул, и оно милосердно засосало меня по самую макушку в считаные секунды…

* * *

Темнота – это всегда благо. Когда ты в ней, можно ничего не делать. Просто быть в ней – и все тут. Мы приходим из темноты, и уходим в нее. Что в сон обычный, что в вечный покой. Хорошо быть в темноте. Спокойно. Расслабляешься, отдыхаешь себе, растворяясь в ней полностью, становясь частью мрака, окружающего тебя. И, в конечном итоге, есть ли разница, какой это сон – обычный или вечный, если тебе полюбому комфортно в темноте?

Однако сейчас в мою личную обалденную темноту вдруг ни с того ни с сего вторглось нечто. Мерзкое, замогильно-скрипучее, мгновенно выдравшее меня из благодатного мрака.

Я открыл глаза – и невольно вздрогнул.

У меня на груди сидела большая ворона-мутант, которая своим желтым клювом пыталась размотать окровавленный бинт на моей руке. Почувствовав, что я открыл глаза, крылатая сволочь оторвалась от своего занятия, повернула в мою сторону башку и недовольно заорала:

– Карррр!!!

Ага, так вот от чего я пришел в себя. Скрипучий звук, вытащивший меня из блаженного небытия, был просто карканьем раздосадованной твари, у которой никак не получалось добраться до лакомства. Вот ведь, падла какая!

– Ни хрена ты не угадала, – сказал я вороне. – Живой я пока что. Так что вали отсюда, пока башку не свернул.

Птица-мутант подозрительно посмотрела на меня, склонив башку влево, словно хотела удостовериться в том, что добыча ее не обманывает, и пока что действительно не сдохла. Удостоверилась. Каркнула еще раз недовольно, будто обложила некислым матюгом на своем языке, и взлетела, едва не задев мое лицо большими крыльями, которые у обычной вороны размерами вдвое меньше.

– И тебя тем же клювом в то же место, – сказал я вслед мутанту, после чего шевельнул раненой рукой, пытаясь понять, почему ворону заинтересовала моя кисть, а не, скажем, глаза, до которых эти твари изрядно охочи.

Шевельнул – и тут же почувствовал запах. Тошнотворно-омерзительный. Он шел от моей руки, которую я вообще не чувствовал от кончиков пальцев до запястья. Дальше от раны до локтя медленно разливалась тупая, ноющая боль…

У меня был еще один ППИ, и прежде, чем что-то предпринимать далее, я решил сделать перевязку. Достал «Бритву», аккуратно разрезал слипшиеся от крови бинты, взглянул на рану – и невольно закусил губу. Теперь понятно, почему мутант-падальщик заинтересовался моей рукой.

Она гнила. Вся кисть ниже ранения распухла и приобрела иссиня-черный цвет. Но, что самое страшное, эта пакость уже ползла вверх по руке, захватив и область ранения, и пару сантиметров выше него.

– Писец… – прошептал я. – Гангрена…

В Зоне анаэробные бактерии, по ходу, тоже мутировали, поэтому гнилостные процессы в сей нездоровой местности протекают на удивление бодро. Увы, инъекции не помогли, и сейчас передо мной стоял нелегкий выбор. Либо ничего не делать и сдохнуть через пару дней, сгнив заживо, либо…

Я достал из ножен «Бритву» и положил рядом с собой. После чего, неловко орудуя левой рукой, я извлек из кармана жгут, ППИ и зажигалку, а из рюкзака – флягу со спиртом, который мы не допили с Касси, а также запасную пару носков.

Последнюю необходимую составляющую предстоящего процесса я нашел без усилий, даже не вставая с земли. А именно – палку в полметра толщиной, от которой «Бритвой» отмахнул кусок сантиметров в десять. На длинную часть палки я намотал носки, а короткую засунул в рот, крепко сжав зубами. Ибо в этих местах громкий вопль может привлечь не только ворону, но и других мутантов, которые гораздо крупнее и опаснее. После чего намотал жгут на изувеченную руку, и затянул его до отказа.

На что может пойти живое существо, попавшее в беду так, как попал в нее я? Например, сталкеры-охотники рассказывали, что волк, угодивший в капкан, сам себе отгрызает лапу. Представляю, как ему больно и страшно. Но он грызет, перекусывая мышечные волокна, сухожилия, размалывая зубами кость… Отгрызает – и уходит непобежденный, остав-

ляя охотнику в капкане страшный трофей, над которым тот непременно застынет на мгновение, спрашивая себя – а я смог бы так же?..

Что ж, у каждого есть свобода выбора. Жить – или сдохнуть. Такая вот простая в своей сути еще одна сторона жестокого Закона свободы. В общем, кому как, а мы с тем волком выбираем жизнь. Только мне проще. У меня есть «Бритва», которой потребуется нанести всего один точный удар. Ножу, способному резать металл словно масло, отмахнуть руку все равно, что мне перекусить спичку. И, не буду скрывать, мне тоже очень страшно, до дрожи в здоровой руке, сжимающей рукоять ножа, до пота, стекающего по спине меж лопаток и пропитывающего без того сырой камуфляж.

Но я выбираю жизнь несмотря ни на что.

Я вытянул вперед изуродованную конечность и, примерившись, рубанул на выдохе, метя на десяток сантиметров выше пораженного участка – иначе никак. Если не ампутировать с запасом, захватив и часть здоровой ткани, есть риск, что все будет бесполезно, и гангрена все равно поднимется вверх от культи…

Твою ж душу, как больно!!! И обидно. Потому, что тяжелый нож ударил по руке – и отскочил от нее, словно был не моей «Бритвой», а тупым куском металла.

Ах ты ж, мать твою за ногу… Я и забыл, что «Бритва» режет всё, кроме своего хозяина! Потому ей так удобно не только убивать врагов, но и бриться или подравнивать отрос-

шие ногти, ибо ни в жизнь не порежешься, даже если очень захочешь. Такое уж свойство у моего ножа, откованного из редчайшего артефакта.

Я медленно вложил «Бритву» обратно в ножны и, глубоко вздохнув, глянул вверх, ловя лицом тусклые, жалкие лучи взошедшего солнца, чудом пробившиеся сквозь густые переплетения ветвей. Ну что ж, волк, о котором рассказывали бывалые сталкеры. Не будет мне сильно проще, чем тебе. И хоть не зубами буду я отгрызать собственную руку, но все кончится не одним ударом, как я рассчитывал.

Все будет гораздо хуже.

Извернувшись, я левой рукой достал из-за голенища правого берца свой второй боевой нож с полустертым клеймом «Сталкер» на клинке. Он вообще был изрядно потерт, этот нож, с множеством царапин по всей поверхности, включая рукоять. И метал я его, и могилы им рыл, и рубил всё, начиная от веток и заканчивая плотью врагов, как живых, так и мертвых, не желающих умирать до конца.

Только вот сегодня мне придется резать им не нечисть, встретившуюся на моем пути, а самого себя. Самым обычным ножом, который я не всегда успевал наточить как следует – зачем, если «Бритва» никогда не требует заточки и всегда идеально остра? Вот так порой нашему брату приходится расплачиваться за собственную лень…

Режущая кромка клинка у «Сталкера» была заточена как обычный нож, а бóльшая часть обуха представляла собой

мелкую пилу-серрейтор, которой удобно резать как веревки, так и жилистые шеи мутантов. Правда, надо признать, что я делал это слишком часто, забывая после затачивать ту пилу – уж больно кропотливое это занятие…

И сегодня мне предстояло за это расплачиваться по полной. Правда, не сейчас, а немногим позже. Сначала нужно разрезать мясо вокруг кости, и лишь потом начнется самое веселое…

Сжав зубами деревяшку, я с размаху сделал первый надрез…

Твою ж мать! Когда тебя бьют ножом, боль приходит не сразу. А вот когда ты сам себя режешь, да еще поперек мышечных волокон – совершенно другое дело. Видимо, нервная система не сигнализирует, а орет благим матом, мол, что ж ты делаешь, сволочь эдакая? Нельзя так! Противно природе и всей сущности человеческой резать самого себя!

Но я – резал. Выл, давя в себе этот вой, грыз обрубок ветки, чувствовал пену, стекающую с подбородка, словно у бешеной собаки, слышал в ушах бешеную барабанную дробь, отстукиваемую сердцем…

И продолжал резать.

Крови было относительно немного, плотно затянутый жгут хорошо делал свое дело. Основная проблема была в том, чтобы усилием воли держать за загривок собственное сознание, норовящее бросить меня в самый ответственный момент. Не любит оно, когда хозяину экстремально больно,

и потому предпочитает свалить в такие моменты. Хрен тебе, гаденыш! Сидеть, паскуда!!! Так или иначе, я все равно закончу начатое, поэтому без фокусов, тварина, понял меня? Терпи вместе со мной, ведь ты – сознание сталкера, который ну никак не может тебя сейчас потерять…

Несвязные мысли беспорядочно роились в моем мозгу, словно пчелы, отравленные дымом. Но они были, и это хорошо. Ибо если ты еще способен думать, значит, можешь двигаться – то есть, в состоянии доделать начатое.

Нож несколько раз скребанул по кости. Я перевернул его и полустертым, практически тупым серрейтором принялся пилить кость…

Самое мерзкое и жуткое в этом занятии это вибрация, отдающая в локтевой сустав, и поднимающаяся выше, до самого мозга, казалось, готового взорваться от той вибрации. Я уже не потел, весь пот вышел раньше, пока я резал мясо на руке, со всех сторон обнажая кость. И пена с морды перестала падать – кончились слюни. Осталась лишь раздирающая язык сухость во рту, кровавые пятна, пляшущие перед глазами, эта вибрация, и мерзкий скрип ножа, вгрызающегося в кость… Привет тебе, трехлапый волчара! Теперь мы с тобой одной крови, потому что оба знаем цену освобождения от неминуемой смерти!

Кость хрустнула. Я по инерции подался вперед, следом за движением ножа, и чуть не завалился вперед, словно безвольная тряпичная кукла. Но удержался, с каким-то тупым

удивлением глядя, как падает на землю моя изуродованная рука, отделенная от тела… Надо же, я все-таки сделал это.

Почти сделал…

Теперь я уже на себе знал, что раны в Зоне очень быстро загнивают. И элементарная логика подсказывала, что чем обширнее ранение, тем быстрее начинается процесс заражения. Поэтому нужно было дезинфицировать культю как можно скорее. И подручный способ для той дезинфекции был только один.

Заметно дрожащей рукой я аккуратно, чтоб не порезать икру, засунул «Сталкер» обратно в ножны, спрятанные за голенищем. После чего зубами свинтил крышку с фляги и вылил остатки спирта на носки, намотанные на палку. Зажав меж коленей палку с проспиртованными носками, я достал зажигалку с выгравированной на ней надписью: «Если пойду я долиною смертной тени, то не убоюсь я зла. Потому что я и есть самое страшное зло в этой долине». Ага, такое вот хреновое однорукое зло… Будь проклят тот урод с его экспансивными пулями, чтоб его в аду черти вечно заставляли себе конечности отрезать, а потом обратно их приращивали! Впрочем, ладно, это всё эмоции. Пора приступать к делу.

Я щелкнул зажигалкой, поджег самодельный факел, сунул гравированную жигу обратно в карман, взял в левую руку горящий дезинфектор, и с силой прижал его к культе.

Адская, нереальная, запредельная боль пронзила мою изуродованную руку. Но я не отнял от нее факела. Лишь во

рту хрустнуло что-то – то ли треснула измочаленная зубами деревяшка, то ли я сломал сами зубы, которыми со страшной силой ее сжал.

Но сейчас это было неважно. Главное – со всех сторон как следует прожечь окровавленное мясо. А потом, выронив факел, выплюнуть обломки деревяшки изо рта, после чего найти в себе силы наложить повязку на обуглившуюся культю.

В воздухе мерзко воняло горелым мясом и жженной кровью. Рядом со мной в серой траве Зоны валялась моя изуродованная отрубленная рука, по которой уже деловито ползали вездесущие муравьи. Пусть жрут. Хоть кому-то от меня в Зоне польза будет.

Неожиданно пришедшая в голову мысль заставила меня усмехнуться. А потом я представил картину со стороны – сидит под деревом инвалид, только что лишивший себя конечности, и тихо хихикает. По ходу, так с ума и сходят. Этого мне еще не хватало. Ну, а если перспектива стать психом тебя не прельщает, то отрывай свою задницу от земли и иди. Куда? А не все ли равно куда. Теперь-то тебе, Снайпер, точно по барабану в какую сторону переться – однорукому что в Зоне, что на Большой земле везде хреново…

Но я не спешил. Для начала нужно было понять, на что я вообще гожусь – если гожусь, конечно. Смогу ли я что-то делать левой рукой, трясущейся от слабости и пережитого стресса? То есть, надо было для самого себя решить, кто я – беспомощный инвалид, или тяжело раненный, но ни разу

не сдавшийся сталкер?

И я снова достал из ножен «Бритву».

За время моих путешествий по Припяти у меня выросла борода – спутанная, грязная, а теперь еще и воняющая: пока я резал руку, грязная растительность на щеках и подбородке пропиталась слюнями, и теперь довольно мерзко попахивала. Ладно.

Я поднял руку с ножом и дотронулся клинком до лица. Думаю, будь в моей руке обычный нож, я б немедленно себе половину щеки состругал. А так нет, прокатило. Лезвие, не способное тебя порезать, отличная вещь. И бриться им одно удовольствие. Правда, если у тебя при этом не одна рука, которая трясется, как у паралитика.

– Соберись, мать твою! – прохрипел я самому себе, и попытался сконцентрироваться.

Получилось не сразу. Но – получилось. Когда ты зол на себя как собака, слабость и трясучка по-любому проходят. Все зависит лишь от того, насколько ты сумел накрутить в себе эту злость. Потому, что если не злиться, подогревая себя адреналином, то так и останешься тут под деревом навсегда, не в силах подняться на ноги.

И я сидел на земле рядом со своей отрезанной рукой – и брился, стараясь, чтоб рука тряслась как можно меньше. Приучая ее быть твердой и точной в движениях, несмотря на слабость, тупую боль в культе и темные пятна, пляшущие перед глазами…

Я не знаю, сколько прошло времени до того момента, как я в пятый – а, может, в десятый раз – положил нож на землю и провел ладонью по лицу. Нормально, сойдет. То есть, если нужно, я и одной рукой смогу как побриться, так и перерезать горло врагу. Не попытаюсь, а именно смогу. Сделаю. Потому, что я – сталкер, и этим все сказано.

Засунув «Бритву» обратно за голенище берца, я встал, забросил за спину рюкзак с автоматом, и пошел в глубь леса, пошатываясь от слабости, очень стараясь не упасть, и одновременно прикидывая свои шансы на выживание. Одно дело себя накручивать, особенно когда без этого ты просто не сможешь оторвать свою задницу от земли. И совсем другое – объективно оценивать возможность выживания однорукого человека на зараженных землях.

Мягко говоря, шансы у меня были не очень. Потому как слабых в Зоне очень любят. Люди – потому, что беспомощного легче грабить. И мутанты – хилого проще сожрать. Может, показалось мне, а может и правда, но пока я отпиливал руку, а после брился, изо всех сил стараясь справиться с дрожью в руке, меня не оставляло ощущение, что за мной сосредоточенно наблюдают чьи-то внимательные глаза.

Ну уж нет, родимые, не на того нарвались! У меня, как-никак, осталась одна целая и вполне себе здоровая клешня. И зубы остались, как ни странно, уцелевшие после экстремального жевания деревяшки. От одного, правда, кусочек откололся, но по сравнению с потерей руки это мелочь, не сто-

ящая внимания. Так вот, я этой клешней любому шею сломаю. А не сломаю, так зубами вцеплюсь в горло и повисну, как бультерьер, пока не перегрызу. Такое у меня сейчас настроение, несмотря на, в общем-то, полное отсутствие шансов выжить в беспощадной, агрессивной среде.

Однако все же один шанс у меня присутствовал. Вернее, не столько шанс, сколько надежда на него. А именно: жил в Зоне один человек, умеющий творить невозможное и однажды реально спасший меня от неминуемой смерти. Врачеватель, к которому со всех зараженных земель тащились раненые, убогие и покалеченные. Что люди, что мутанты.

Лечил он всех, и даже почти всегда вылечивал, ибо те, кому он жизнь спас, несли в его берлогу самые редкие артефакты, которые тот целитель активно использовал в своей практике. Будто нюхом чуял, какой арт от какой болезни поможет. Долг Жизни не признавал ни в какую, говорил, мол, мне вся Зона должна, что ж я теперь с нее спрашивать буду? Может, потому и силу давала она тому легендарному врачевателю, ведь по старому поверью с исцеленного ничего брать нельзя, кроме того, что люди от души принесут в подарок. Иначе не будет силы у целителя, и толку от его лечения – тоже.

Правда, идти к тому чудо-врачу было далековато. На другой край Зоны, к болотам, раскинувшимся неподалеку от КПП «Дитятки». В тех гиблых местах и жил доктор, который, возможно, знал, как можно восстановить мою руку. За

это его так и звали – Болотник.

– Ну что, Снайпер, – сплюнул я себе под ноги. – Цель в жизни потерял, говоришь? Так на тебе цель, круче некуда.

Если честно, что ж за твою мать такое творится, а? Как соберусь пожить спокойно, по-человечески, так непременно какая-нибудь запредельная хрень случается. Или это закон мироздания реально работает – только попытайся, букашка двуногая, отойти от своего предназначения, так тебя сразу же то мироздание и прихлопнет мухобойкой судьбы. Для начала слегка, чтоб тряхануло твое тельце, пробрало до печенок – глядишь, намек и поймешь. А не вкуришь что к чему, сочтешь очевидный знак судьбы простой случайностью, так и спишет тебя мироздание вглухую, размазав в кляксу. В общем-то, все верно – если букашка не только бесполезная, но еще и тупая, то ну ее на фиг, чтоб глаза не мозолила своим мельтешением.

Но сейчас уже поздно сокрушаться по поводу собственной глупости, надо было просто идти. И я шел, переставляя ноги, ставшие от слабости и кровопотери нереально тяжелыми. Двигался через силу, на морально-волевых, осознавая, что не только до края Зоны такими темпами не доберусь, но и вряд ли вообще выйду с этого болота.

Впрочем, тем, кто осознал собственную неправоту, объективное мироздание обычно предоставляет шанс. Вот и мне он, похоже, представился, ибо я явственно услышал какое-то тарахтение впереди, напоминающее звук работающего дви-

гателя.

Ехать впереди ничего не могло – болото оно и есть болото. Тогда, собственно, что там столь характерно тарахтит?

Любопытство пересилило слабость, и я даже нашел в себе силы чуть прибавить ходу.

И успел как раз вовремя. Выглянув из-за толстенного дерева, я увидел следующую картину.

По заболоченной местности, рыча мощным двигателем, пёр вездеход довольно странного вида – металлический параллелепипед с четырьмя огромными колесами, снабженными частыми и широкими лопастями из толстой резины. Офигеть… Выглядела эта конструкция довольно несуразно, но, на самом деле, для Зоны ничего лучше не придумать. Такая механическая зверюга пройдет везде – и болото преодолеет, и по бурелому проедет, и, думаю, водные преграды на ней преодолевать можно запросто – колеса эдакого размера вполне удержат вездеход на поверхности.

Но это было еще не все.

Сзади к невиданному вездеходу был пристегнут прицеп с такими же огромными колесами. А в прицепе находилась… бетонная стела с надписью «ЧАЭС имени В. И. Ленина», похоже, тупо спиленная со своего основания. То, что это именно она, а не муляж из какого-нибудь крашеного пенопласта, было понятно сразу, ибо прицеп нехило проседал под весом тяжеленной стелы, но функцию свою выполнял исправно.

Кстати, хозяин чудо-машины не забыл позаботиться о

собственной безопасности. Из верхнего люка вездехода торчала колоритная фигура в пыльнике, держащая в руках модернизированный пулемет Калашникова. Лицо фигуры тонуло в тени глубокого капюшона. При этом мне со своего места было хорошо видно, что на руках пулеметчика надеты толстые черные перчатки.

Несмотря на то, что лица пулеметчика я не видел, его долговязая фигура показалась мне знакомой. Пересекались в Зоне, и не раз. Причем работодатель этой фигуры во время нашей предпоследней встречи ни много ни мало продал меня в рабство. Правда, потом мы с ним это недоразумение разрулили, без эксцессов разойдясь краями, как в море корабли. С тех пор, как я понимаю, бродячие торговцы слегка разбогатели, сменив видавший виды двухместный вездеходик армейской камуфлированной расцветки с прицепом-трейлером на такое вот чудо инженерной мысли.

Тем не менее, я был практически на сто процентов уверен: появись я из-за деревьев, приветливо помахивая окровавленной культяпкой, пулеметчик без раздумий срежет меня очередью. Понятно почему. Местные торговцы народ боязливый, ибо работа у них нервная и опасная. И хотя негласный закон Зоны гласит, что торговцев трогать западло, многие беспредельщики это правило игнорируют. Потому в глухом месте лучше заранее ликвидировать возможную проблему, закинуть ее в трясину, и ехать себе дальше – болото все спишет.

Поэтому я, аккуратно высунувшись из-за древесного ствола, поднял согнутую в локте правую руку, положил на нее цевье автомата, тщательно прицелился, одновременно непривычно пристраивая левый указательный палец к спусковому крючку, и выстрелил.

Отдача тряхнула культю, которая немедленно отозвалась тупой болью. Но я, сцепив зубы, справился с нею, не позволив организму отвлекаться на посторонние ощущения. Вместо этого я бросил автомат в грязь, выдернул из бокового кармана рюкзака гранату, оставшуюся в наследство от Касси, и побежал к вездеходу.

Несмотря на неудобство прицеливания, я попал куда хотел – уж больно расстояние было небольшим, промахнуться сложно. И сейчас пулеметчик недоуменно вертел башкой, соображая, почему он еще жив после подлого выстрела, и куда делся его пулемет, вырванный из рук неведомой силой. Через секунду сообразит, и полезет за вторым стволом, который у него наверняка имеется. Но этой секунды я ему не дал, ибо уже стоял прямо перед вездеходом в киношной позе – в руке граната, в зубах – кольцо от нее.

Непростое это дело вытаскивать чеку из гранаты зубами. Плотно она там сидит, зараза. Разве что коренными, да и то в случае самой крайней необходимости. Как я сейчас, например, когда рук ровно на одну меньше, и более рвать кольцо гранаты тупо нечем.

У вездехода было одно широкое лобовое стекло, сейчас

откинутое кверху, дабы тухлый, влажный, болотистый ветерок Зоны хоть как-то обдувал мордатого водителя, сэкономившего на кондиционере. Рожа водилы мне также была знакома. Умный, зараза, сразу ногой на тормоз надавил, как увидел, что зажато у меня в руке, отведенной назад для броска.

– Ну, здорово, Жила, – сказал я, сплюнув кольцо на землю вместе с осколком переднего зуба, частично раскрошившегося от жесткого контакта с металлом.

– И тебе не хворать, – хмуро произнес торгаш, явно узнавший меня. – Чего надо?

– Поговорить, – улыбнулся я, отчего Жилу аж перекосило. Понимаю, сейчас улыбка на моей окровавленной, грязной физиономии наверняка смотрится наподобие оскала вампира. – Только вы со своим Ильюшей за стволы не хватайтесь, ладно? Я всяко быстрее успею эргэдэшку к тебе в кабину забросить.

– Ну, давай попробуем побеседовать, – вздохнул торгаш. – Хотя совершенно не обязательно перед разговором стрелять, пулемет мой портить.

– Насчет стрелять – это я у тебя научился, – вновь ощерился я. – Помнишь, как ты в меня пальнул перед тем, как продал в рабство?

– Тебя кто послал стелу перехватить? – вместо ответа с заметным раздражением в голосе поинтересовался Жила.

– На кой мне твоя стела? – удивился я. – Не понимаю,

какого хрена ты ее вообще спилил.

– Заказ, – коротко сказал Жила. – Какой-то шибанутый коллекционер за нее пять штук дает. Наверно, хочет себе на участке перед домом поставить и любоваться.

– Бывает, – кивнул я. – Каждый по-своему с ума сходит. Но можешь не волноваться, расхититель памятников, я не за ней.

– А за чем тогда? – поднял густые брови Жила. – У меня сейчас с товаром не густо. И с рукой чего у тебя такое?

– Порезался, – коротко отбрехался я. – А нужен мне всего-навсего твой вездеход. И даже без прицепа. Можешь его себе оставить вместе со стелой своей.

Жила усмехнулся.

– Ну, ты ж понимаешь, что за это мы с Ильюшей тебя сто пудов найдем. Из-под земли откопаем…

– Естественно, – хмыкнул я. – Мне все группировки без исключения пообещали то же самое, так что двумя больше, двумя меньше для меня не принципиально. Но это не грабеж, Жила. Это предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

– И что же это за предложение такое? – все так же хмуро произнес торгаш, но в его голосе я все-таки уловил нотки профессиональной заинтересованности.

– Я предлагаю обмен. Твой вездеход на бар «Янов». Думаю, тебе самому надоело по Зоне мотаться в любую погоду. В тепле да под крышей оно всяко сподручней торговать, а?

– Прикалываешься? – сплюнул мне под ноги Жила. – «Янов» не меньше двух миллионов сто́ит, а то и все два с половиной. Плюс евонный бармен скорее сдохнет, чем продаст такую доходную точку.

– Уже сдох, – сказал я. – И сейчас его бар охраняют кибы. Которых можно отключить пультом, что лежит у меня в кармане.

– Ну и здоров ты брехать, сталкер, – криво хмыкнул торгаш.

– А ты проверь, – отзеркалил я его ухмылку. – Подойди к бару да нажми красную кнопку. Впрочем, в любом случае выбор у тебя небольшой. У меня уже рука устала к гранате рычаг прижимать. Так что выметайся из вездехода вместе со своим Ильюшей, забирай у меня из кармана пульт, и двигай к «Янову». Только без резких движений, чтобы я ненароком «эргэдэшку» не уронил.

Если прислушаться, наверно можно было услышать, как в голове Жилы гудит счетная машинка. Но делать нечего, гуди коммерческими мозгами, не гуди, а вылезать надо – жизнь дороже.

– Ну, попал, твою мать, – бухтел торгаш, выползая из вездехода. – Ну, попал…

И непонятно было о ком это он – о себе, или обо мне. Хотя мне-то какая на фиг разница, о чем бормочет торгаш? Что я конкретно попал, это я и без него знаю. А также знаю, что вскоре у знаменитого бара будет новый хозяин, еще бо-

лее прижимистый, чем прежде. Так что пусть погорюет, скоро радоваться будет. Если, конечно, сделает все правильно, и его вместе с подручным-пулеметчиком не расстреляют кибы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.